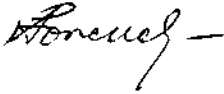

На правах рукописи

РОЖКОВ Александр Юрьевич

**МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК В СОВЕТСКОЙ РОССИИ
1920-х ГОДОВ: ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
В ГРУППАХ СВЕРСТНИКОВ
(школьники, студенты, красноармейцы)**

Специальность 07.00.02 - Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
доктора исторических наук

Краснодар 2003

Работа выполнена на кафедре истории и музееведения Краснодарского государственного университета культуры и искусств

Научный консультант:

доктор исторических наук, профессор Устиновский Игорь Вячеславович

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, доцент Баранов Андрей Владимирович

доктор исторических наук, профессор Лебина Наталия Борисовна

доктор исторических наук, профессор **Стецура** Юрий Анатольевич

Ведущая организация:

Институт российской истории Российской академии наук (Центр изучения новейшей истории России и политологии), г. Москва

Защита состоится «20» мая 2003 г. в   часов на заседании диссертационного совета Д.212.101.03 по историческим наукам при Кубанском государственном университете по адресу: 350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кубанского государственного университета.

Автореферат разослан «17» мая 2003 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент П.П.Матюшенко

Общая характеристика диссертации

Актуальность темы исследования правомерно рассматривать в двух аспектах: содержательном и методологическом.

Советская Россия 1920-х гг. вызывает ныне повышенный интерес у части исследователей как исторический опыт переходного, динамично изменяющегося (транзитивного) общества, во многом схожий с современной российской действительностью. Переходное состояние общества сопровождается обострением противоречий между традициями и новациями, принимающими форму межгенерационного разрыва, или конфликта поколений.

Для более глубокого понимания социокультурных процессов 20-х гг. актуален повышенный исследовательский интерес к феномену молодого человека в условиях динамичных социальных изменений. Молодёжь 20-х гг. являлась первым поколением в новейшей отечественной истории, во многом определившим дальнейшее развитие советского общества. Поэтому изучить и понять повседневный жизненный мир молодого человека раннего советского общества - значит существенно приблизиться к пониманию социокультурного феномена «советский человек», заметно продвинуться вперёд в изучении ментальных и поведенческих характеристик молодого человека в эпоху динамичных социальных трансформаций.

Диссертант полагает, что для познания жизненного мира молодого человека 20-х гг. через призму его социальных связей, повседневных практик и дискурсов в реальных группах равных целесообразно исследовать группы школьников, студентов и красноармейцев, в которых молодой человек длительное время находился в кругу своих сверстников. Эти группы равных управляют движением от частных ценностей к общим, они поддерживают первые шаги молодых людей из социального мира семьи во «взрослое» общество, знакомят их с возможными жизненными путями. Преимущественно именно в этих группах равных сверстников молодой человек 20-х гг. осваивал социальные роли, иерархию социальных и личных статусов; там складывались его идентичности, конструировались биографические проекты и сценарии поведения. Поэтому чрезвычайно актуальным представляется выявление практик обитания и повседневного дискурса молодого человека в этих группах сверстников, выстраивания им своих поведенческих стратегий, реализации жизненных шансов.

Научная проблема диссертационного исследования заключается в эмпирическом изучении и в новом теоретическом осмыслении повседневного жизненного мира молодого человека в советской России 1920-х гг., в определении условий повседневной жизнедеятельности, изучении практик повседневного взаимодействия и дискурса в реальных группах сверстников (школьников, студентов, красноармейцев).

Степень разработанности проблемы. Несмотря на довольно обширную историографию комсомольско-молодёжной проблематики 20-х гг., специально заявленная проблема в отечественной и зарубежной историографии практически не изучалась. Вместе с тем было бы некорректно вести речь о полной не-

разработанности проблемы повседневной жизнедеятельности молодого человека в советской России 20-х гг. Поскольку данное диссертационное исследование охватывает три реальные группы сверстников (школьники, студенты, красноармейцы), целесообразно провести историографический обзор преимущественно по этим трём направлениям.

Изучение отдельных аспектов заявленной проблемы начало складываться в 20-е гг. Авторами синхронных публикаций по проблемам формирования «нового человека» в таких социальных институтах, как школа, вуз, Красная Армия, преимущественно являлись социологи, педологи, психологи, педагоги, генетики, военачальники, партийные и комсомольские работники. В целом во многих работах 20-х гг., наряду с фактографическим подходом, прослеживается и серьёзный научный уровень исследований идеалов, представлений, мировоззренческих установок, бюджетов времени, языка молодого поколения 20-х гг.¹

В то же время широко публиковались книги, брошюры, статьи агитационно-пропагандистского, публицистического и просветительского характера². При всей практической значимости этой литературы для молодёжи 20-х гг., в целом её нельзя рассматривать как научную разработку данной проблемы. Вместе с тем некоторые публикации являются ценными источниками по изучаемой проблематике. Не менее важными источниками являются некоторые художественные произведения тех лет³.

Среди учёных и публицистов русского зарубежья особенно следует отметить исследования П.А.Сорокина, С.И.Гессена, С.С.Маслова, А.Л.Бема⁴, чей критический анализ советского образования и РККА дополнял идеологизированные советские публикации. Из зарубежных исследователей советскую школу и Красную Армию изучали побывавшие в советской России профессор Чикагского университета С.Харпер и датский писатель М.Андерсен-Нексё⁵. Однако, они были существенно ограничены в свободе передвижения по советской России, что существенно снижает научную ценность их публикаций.

Общественно-политическая обстановка в стране, сложившаяся к началу 30-х гг., обусловила резкое ограничение свободы научного поиска, способство-

¹ Рыбников Н А Интересы современного школьника М, Л, 1926, Иорданский Н Н Черты из быта школьников М, 1925, Гельмонт А М Чем занят день пионера и школьника М, 1927, Рубинштейн М М Юность по дневникам и автобиографическим записям М, 1928, Ласс Д И Современное студенчество Быт, половая жизнь М, Л, 1928, Шпильрейн И Н, Рейтынбарт Д И, Нецкий Г О Язык красноармейца М, Л, 1928, и др

² Рафаил М А За нового человека Л, 1928, Василевский Л М К здоровому половому быту М, 1924, Кадищев А Что должен знать молодой красноармеец М, 1930, и др

³ Куклин Г Краткосрочники Роман из жизни РККА Л, 1929, Огнев Н Дневник Кости Рябцева М, 1927, Он же Костя Рябцев в вузе Рига, 1929, и др

⁴ Сорокин П А Современное состояние России Прага, 1922, Гессен С И Эволюция единой трудовой школы в Советской России // Школа в Советской России Прага, 1925, Маслов С С Россия после четырех лет революции Париж, 1922, Бем А Л Судьбы повышенного образования в СССР Прага, 1927, и др

⁵ Harper S N Civic Training in Soviet Russia Chicago, 1929, Harper S N Making Bolsheviks Chicago, 1931, Андерсен-Нексё М Навстречу молодому дню Л, М, 1925

вала сужению тематического спектра и понижению качества исследований, сокращению корпуса учёных в связи с репрессиями. Методологически труды историков стали опираться на положения «Краткого курса истории ВКП (б)», руководящие документы партии. После принятия известных постановлений ЦК партии «О начальной и средней школе», «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах», «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» сильнейшему идеологическому и организационному прессингу подверглись педагогические инновации 20-х гг., педология как наука, что отразилось на качестве изучения юного поколения.

В силу этих обстоятельств отечественная историография молодёжной проблематики 1930-50-х гг. довольно бедна и фрагментарна. Молодёжь как объект исследования на долгие годы исчезла со страниц научных и популярных изданий. Вся молодёжная проблематика была сведена к статьям и брошюрам, прославляющим ленинско-сталинский комсомол и критике «мелкобуржуазных пережитков», мешающих формированию у молодёжи коммунистического мировоззрения. Эти вопросы освещались крайне поверхностно, декларативно, без должного анализа, на бедной документальной основе. Большинству публикаций тех лет присущи чрезмерная идеологизированность и интолерантность. Исследовательская «ниша» по молодёжной проблематике была заполнена в основном серией сборников статей и выступлений партийных и государственных деятелей⁶. Вместе с тем в этот период появляются первые работы по истории становления советской школы, публикуются сборники документов⁷.

В то же время в литературе русского зарубежья появляются интересные произведения Б.Л.Солоневича, Н.В.Пятницкого, А.В.Маклецова, М.Москвина, Ст. Ивановича (С.О.Португейса) и других авторов, в которых рассматриваются некоторые аспекты заявленной проблемы⁸. В частности, в книге Ст. Ивановича «Красная армия» глубоко анализируется повседневная жизнь РККА, внутренний мир и социальное поведение красноармейцев. По многим аспектам этот фундаментальный труд о Красной Армии 20-х гг. до сих пор не превзойдён. Из зарубежных исследователей наиболее интересными представляются работы К.Менерта, Сиднея и Беатрисы Вебб⁹.

Во второй половине 50-х - первой половине 80-х гг. наблюдается активизация исследований по комсомольско-молодёжной проблематике. Часть работ советских историков была посвящена изучению народного образования и

⁶ Фрунзе М В О молодежи М , 1937, Орджоникидзе Г К О молодежи М , 1938, Крупская Н К О молодежи Статьи, письма и речи М , 1940, и др

⁷ Медынский Е Н 20 лет советской школы // Сов педагогика 1937 № 3, Королев Ф Ф Советская школа в период социалистической индустриализации и в первые годы сплошной коллективизации (1926-1930/31 уч гг) // Сов педагогика 1950 № 5, № 9, Елютин В П Высшая школа страны социализма М , 1955, и др

⁸ Иванович Ст Красная Армия Париж, 1931, Москвин М Хождение по вузам Pans, 1933, Пятницкий Н В Красная Армия СССР Париж, 1931-1933, Солоневич Б Молодёжь и ГПУ София, 1937, Маклецов А В Брак и семья в советской России Люблина, 1937, и др

⁹ Mehnert К Die Jugend in Sowjetrußland Berlin, 1932, Вебб С , Вебб Б Советский коммунизм новая цивилизация⁹ М , 1937, и др

Красной Армии 20-х гг. как институтов коммунистического воспитания молодёжи. Так, высшая школа 20-х гг. в советской историографической традиции рассматривалась преимущественно как социальный институт, готовящий кадры советской интеллигенции. **Студенчество**, если и вызывало интерес исследователей, то в основном только как «революционное», «пролетарское», «коммунистическое»¹⁰. К числу наиболее значимых работ этого периода относятся, в частности, труды В.Г.Ермакова, М.П.Кима, И.Я.Ковалёва, Ф.Ф.Королёва, В.А.Куманёва, В.В.Мельникова¹¹. Показательно, что наиболее интересные в научном плане работы тех лет были написаны историками **социологии**¹². Важным вкладом в методологическое обеспечение ювенологических исследований стали кандидатская диссертация и монография В.Н.Боряза¹³.

В то же время господствовавший в науке классово-партийный подход, идеологическая цензура и отсутствие доступа к необходимым источникам явились серьёзными препятствиями на творческом пути многих отечественных историков, занимавшихся исследованиями проблем молодёжи первого советского десятилетия. В целом, применительно к данному периоду, представляется абсолютно справедливым замечание В.И.Исаева о том, что историография советской молодёжи в последние десятилетия зашла «в своеобразный тупик бесконечного переписывания истории комсомола в различных аспектах и ракурсах»¹⁴. Резонно утверждать, что в условиях монизма марксистско-ленинской методологии в советской историографии, ориентированности её на социально-экономический детерминизм в истории и главенство роли партии, приоритет «объективных» процессов, вопросы повседневного бытия молодого человека раннего советского общества ещё не вызрели для научного осмысления и не могли быть поставлены как актуальная научная проблема.

---

¹⁰ Фортунатов В В Революционное студенчество и вузовская интеллигенция Петрограда-Ленинграда в 1921-1925 годах // Великий Октябрь и молодёжь Л, 1978, Бабенкова Н И, Кривенький А И Комсомол - помощник партии в революционном преобразовании высшей школы и воспитании студенчества (1918-1925 гг) // Вопросы истории ВЛКСМ М, 1980, Катунцева Н М Роль рабфаков в формировании кадров народной интеллигенции в СССР М, 1980, и др

¹¹ Ким М П Коммунистическая партия - организатор культурной революции в СССР М, 1955, Королев Ф Ф Очерки по истории советской школы и педагогики (1917-1921 гг) М, 1958, Ермаков В Г Исторический опыт культурной революции в СССР М, 1968, Куманёв В А Революция и просвещение масс (1917-1940 гг) М, 1973, Мельников В В Культурная революция и комсомол Ростов н/Д, 1973, Ковалёв И Я Комсомол и оборона Родины 1921-1941 гг (На материалах Украины) Киев, 1975, и др

¹² Блинов Н М Социологические исследования труда и воспитания советской молодёжи 20-х гг // Соис 1975 № 1, Маслова О М Социологические исследования читательской аудитории в 20-30-х гг // Соис 1977 № 4

¹³ Боряз В Н Методологические проблемы исследования молодёжи (к вопросу определения понятия) Дис канд философ наук Л, 1971, Он же Молодёжь методологические проблемы исследования Л, 1973

¹⁴ Исаев В И Проблемы изучения социализации молодёжи в советской России в период нэпа // Нэп и становление гражданского общества в России 1920-е годы и современность Материалы всерос науч конф Краснодар, 2001 С 160

Вместе с тем, начиная с середины 1970-х гг., последовательным пионером в применении новых подходов и методов исследования молодёжи 20-30-х гг. является **Н.Б.Лебина**¹⁵. Её монография «Рабочая молодёжь Ленинграда: труд и социальный облик. 1921-1925» и последующие новаторские работы заметно выделялись на фоне многочисленных трудов по комсомольской проблематике. В отличие от многих авторов, предметом исследования которых были различные аспекты наиболее «проходной» тогда темы партийного руководства комсомолом, **Н.Б.Лебина** в своей книге впервые уделила пристальное внимание таким проблемам, как профессиональное самоопределение молодых рабочих, оплата их труда, отношение молодых рабочих к религии, рост культурных запросов молодёжи фабрик и заводов, формирование её нравственного облика, условия жизни и быта.

Некоторые проблемы жизни молодого поколения, замалчиваемые советскими историками, освещались в зарубежной историографии. Несмотря на ограниченные возможности доступа к источникам, западным историкам нередко удавалось взглянуть на проблемы школы и армии 20-х гг. намного шире и многостороннее, чем это получалось у советских исследователей, жёстко ограниченных рамками марксистско-ленинской методологии. Изучению различных аспектов повседневной жизни учащейся молодёжи было посвящено несколько работ иностранных авторов, включая фундаментальный труд **Ш.Фицпатрик**¹⁶.

Со второй половины 1980-х гг. начался новый этап в развитии отечественной историографии молодого поколения 20-х гг., поначалу характеризующийся перекосом в сторону поиска тёмных сторон жизни молодёжи. Между тем, в 1990-е гг. появились работы, где рассмотрены некоторые проблемы молодёжи 20-х гг., включая и ряд аспектов заявленного исследования. В исследовательском арсенале стала более отчётливой тенденция постановки новых актуальных проблем (социализация молодёжи, **девиантные** явления, **гендерный** аспект и т.д.). В этот период были написаны **монографии**, кандидатские и докторские диссертации, в которых **наблюдается** попытка переосмысления исторического опыта воспитания молодёжи, применения новых подходов и методов исследования, отказа от стереотипов партийно-комсомольской историографии, широкого использования достижений зарубежных исследователей. Особенно следует выделить труды **Г.Н.Крайнова**, **Н.Б.Лебиной**, **А.А.Слезина**, **Ю.А.Стецуры**¹⁷.

¹⁵ Лебина **Н.Б.** Фабрично-заводская молодёжь Петрограда в 1921-1923 гг. Дис. канд. ист. наук Л., 1975, **Она же** Рабочая молодёжь Ленинграда труд и социальный облик 1921-1925 Л., 1982, **Она же** Молодежь страны Советов в 20-е годы // Вопросы истории 1983 № 8

¹⁶ Dorotich D History in the Soviet Schools (1917-1937) Changing Policy and Practice Ph D diss McGill University, 1964, Lane D The Impact of Revolution The Case of Selection of Students for Higher Education in Soviet Russia, 1917-1928 // Sociology 1973 № 7, McClelland J C Proletarianizing the Student Body The Soviet Experience During the New Economic Policy // Past and Present 1978 № 80, Fitzpatrick S Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921-1934 Cambridge, 1979, Stolee M A Generation Capable Establishing Communism Revolutionary Child Rearing in the Soviet Union, 1917-1928 Ph D diss Duke University, 1982, etc

¹⁷ **Крайнов Г.Н.** Политическая культура молодежи советской России в 20-е годы опыт и уроки формирования (На материалах Поволжья и Приуралья) Дис. д-ра ист. наук М., 1993,

В частности, Н.Б.Лебина в своей докторской диссертации одной из первых комплексно применила сравнительно-исторический, социологический, психоаналитический методы в историческом исследовании, что позволило ей изучить ранее не освещавшиеся вопросы самосознания молодых рабочих, особенности их демографического поведения, факторы социализации молодого поколения. Следует отметить, что в отношении других категорий молодёжи (в том числе школьной, студенческой, красноармейской) подобный подход в историографии до сих пор не применялся.

Одна из особенностей современного этапа в отечественной историографии - постепенный поворот в сторону так называемой «новой» исторической науки, ориентированной на «человеческое» измерение истории. Не вдаваясь в теоретико-методологический аспект этого направления в историографии, достаточно глубоко разработанный в современной литературе¹⁸, следует заметить, что само появление новой парадигмы свидетельствует о глубочайшем концептуально-методологическом кризисе предшествующей позитивистской историографии. Данное обстоятельство актуализирует новые подходы в историографии молодёжи раннего советского общества.

Между тем, несмотря на определённые достижения в историографии школы и армии 20-х гг. как социальных институтов¹⁹, заявленная диссертантом проблема до сих пор ещё слабо изучена в историко-антропологическом аспекте. Только в последние годы в отечественной историографии наблюдается интерес к изучению школьников, студентов и красноармейцев 20-х гг. в социально-историческом и социально-психологическом аспектах²⁰.

Лебина Н Б Социально-политическое развитие рабочей молодёжи в условиях становления тоталитарного режима в СССР (20-30-е гг.) Дис д-ра ист наук М, 1994, Стецуря Ю А Революционный пафос и трагизм поколения 20-х и 30-х годов Екатеринбург, Пермь, 1995, Он же Молодёжь в постреволюционном преобразовании России в 20-30-е годы Дис д-ра ист наук Армавир, 1998, Слезин А А В борьбе за нового человека Комсомол 1920-х годов как институт полигической социализации Тамбов, 1998, Он же Роль комсомола в формировании политической культуры советского общества (1921-1929 гг) На материалах Центрального Черноземья) Дис д-ра ист наук Саратов, 2000, Он же Молодёжь и власть Из истории молодежного движения в Центральном Черноземье 1921-1929 гг Тамбов, 2002, и др

¹⁸ См Вжозек В Историография как игра метафор судьбы «новой исторической науки» // Одиссей Человек в истории М, 1991, Гуревич А Я Исторический синтез и Школа «Анналов» М, 1993, Зубкова Е Ю, Куприянов А И Ментальное измерение истории поиски метода // Вопросы истории 1995 № 7, Репина Л П «Новая историческая наука» и социальная история М, 1998, Соколов А К Социальная история России новейшего времени проблемы методологии и источниковедения // Социальная история Ежегодник, 1998/99 М, 1999, Burke P (ed) New Perspectives on Historical Writings Cambridge, 1991, и др

¹⁹ Кривенький А И Опыт и проблемы сотрудничества политических и общественных организаций в подготовке и воспитании молодой советской интеллигенции Дис д-ра ист наук М, 1990, Купайгородская А П Советская высшая школа в 1917-1927 гг Дис д-ра ист наук Л, 1990, Вендровская Р Б Школа 20-х гг поиски и результаты М, 1993, Касьянов А М Опыт и уроки реализации молодежной политики в Вооруженных Силах страны 1918 - июнь 1941 гг Дис д-ра ист наук М, 1994, и др

²⁰ Марков А Р Студенчество Петрограда в 1914-1925 гг (Социально-психологический облик) Дис канд ист наук СПб, 1997, Иоффе А Н Социально-политические проблемы на-

С открытием архивов в постсоветской России заметно активизировался интерес зарубежных историков к изучению проблем повседневной жизни советской молодёжи 20-х гг. Наиболее авторитетными специалистами в данном аспекте проблематики являются А.Е.Горсач (Канада)²¹ и И.А.Тирадо (США)²². Несмотря на то что И.Тирадо преимущественно выбирает объектом своих исследований сельских комсомольцев, а А.Горсач - различные группы городской молодёжи, они обе ставят перед собой и успешно решают актуальные проблемы жизненного мира молодёжи (организация повседневного досуга, гендерный анализ, делинквентная и девиантная культура, влияние городской и сельской среды на социализацию молодых людей и т.д.).

В последние годы заявили о себе и представители новой генерации зарубежных исследователей советской молодёжи 20-х гг. - М.Веллманн, К.Кур-Королёв, В.Шпиртц (все - Германия), Д.Кароли (Италия), Д.Тчуди (Швейцария), занимающиеся проблемами насилия, преступности и суицида в молодёжной среде, в том числе и на микроисторическом уровне²³. Некоторым аспектам заявленной диссертантом проблемы уделяли также внимание Ш.Плаггенборг, Г.Риттерспорн, Дж.Санборн, М.Хаген, Л.Холмс, П.Конечны и др.²⁴ Исключительно важным событием в развитии мировой историографии молодого поко-

---

родного образования 20-х гг (На материалах Москвы) Дис канд ист наук М, 1997, Платова Е Э Новое студенчество России образ жизни 20-е годы XX столетия СПб, 1999, Рожков А Ю В кругу сверстников Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х гг В 2 т Краснодар, 2002, Салова Ю Г Политическое воспитание детей в Советской России в 1920-е годы Ярославль, 2001, и др

²¹ Gorsuch A E "A Woman Is Not a Man" The Culture of Gender and Generation in Soviet Russia, 1921-1928 // *Slavic Review* 1996 Vol 55 № 3, Gorsuch A E Youth in Revolutionary Russia Enthusiasts, Bohemians, Delinquents Ann Arbor, 2000, Gorsuch A E "Smashing Chairs at the Local Club" Discipline, Disorder, and Soviet Youth // *Sowjetjugend* 1917-1941 Generation zwischen Revolution and Resignation Essen, 2001, etc

²² Tirado I A The Komsomol and Young Peasants The Dilemma of Rural Expansion, 1921-1925 // *Slavic Review* 1993 Vol 52 № 3, Tirado I A The Komsomol and the Krest ianka The Political Mobilization of Young Women in the Russian Village, 1921-1927 // *Russian History* 1996 Vol 34 № 1-4, Tirado I The Komsomol and the Bright Socialist Future // *Sowjetjugend* 1917-1941, etc

²³ Wellmann M *Integrationsprobleme und Ausgrenzungserfahrungen Abschiedsbriefe junger Selbstmörder* aus Moskau (1920er Jahre) // *Sowjetjugend* 1917-1941, Kühr-Korolev C *Die sovjetische Jugend im Sexual- und Moraldiskurs der 1920er Jahre* // *Ibid*, Spiertz V *Geheime Berichte über den Freitod junger Rotarmisten* // *Ibid*, Tschudi D *Nagaika und Blume Über den jungen Milizionär Murin und die bolschewistische Herrschaft im Gouvernement Smolensk 1919* // *Ibid*, etc

²⁴ Hagen M von *Soldiers in the Proletarian Dictatorship The Red Army and the Soviet Socialist State 1917-1930* Ithaca, L., 1990, Holmes L E *The Kremlin and the Schoolhouse Reforming Education in Soviet Russia, 1917-1931* Bloomington, 1992, Konecny P *Revolution and Rebellion Students in Soviet Institutes of Higher Education, 1921-1928* // *Canadian Journal of History* December, 1992, Sanborn J *Drafting the Nation Military Conscription and the Formation of a Modern Polity in Tsarist and Soviet Russia, 1905-1925* Ph D diss University of Chicago, 1998, Pлаггенборг S *Jugend in Sowjetrußland zwischen den Weltkriegen* // *Sowjetjugend* 1917-1941, Риттерспорн G T *Between Revolution and Daily Routine Youth and Violence in the Soviet Union in the Interwar Period* // *Ibid*, etc

ления в советской России 20-30-х гг. стала международная научная конференция «Молодёжь в Советской России. 1917-1941» в г. Марбурге (Германия, 1999 г.)²⁵. Она позволила сопоставить научные достижения российских и зарубежных ювенальных историков, скоординировать их исследовательские подходы.

Вместе с тем правомерно констатировать, что, несмотря на определенные достижения отечественной и зарубежной исторической науки в этом направлении исследований, тема жизненного мира молодого человека в советской России 20-х гг. не только основательно не изучена, но и практически не поставлена в качестве специальной научной проблемы. Историография данной проблемы представлена различными по своей научной значимости работами, в которых лишь косвенно затрагиваются отдельные аспекты заявленной темы. В советской и, отчасти, в зарубежной историографии долгие годы было принято изучать не молодого человека в советской России 1920-х гг., а молодёжь как социально-демографическую группу (в большинстве советских исследований понятие «молодёжь» вовсе сужалось до понятия «комсомол»); структурировать молодёжь, как и всё общество, по классово-профессиональному признаку (рабочая, колхозная, вузовская, армейская и т.д.), подразумевая под этой дифференциацией наличие неких специфических характеристик, присущих данным категориям молодёжи.

Недостаточная изученность и особая актуальность заявленной проблемы обусловили выбор темы диссертационного исследования. Поддерживая мнение С.В.Журавлёва относительно образовавшегося в последнее время существенного разрыва между «теоретико-методическим бумом» в области «новой» исторической науки и весьма скромным количеством работ, реализующих новейшие методические разработки в конкретной исследовательской практике²⁶, диссертант попытался представленным исследованием сократить этот разрыв.

Объект и предмет исследования. Объектом диссертационного исследования является совокупный молодой человек в условиях динамично изменяющегося российского общества 1920-х гг. Атрибуция «совокупный» в обозначении объекта исследования является смысловой оппозицией понятию «среднестатистический», и подчёркивает авторскую нацеленность на изучение свойств молодого человека ушедшей эпохи в опыте многих и разных людей.

Предмет исследования составляют условия повседневной жизнедеятельности, практики повседневного взаимодействия и дискурс молодого человека 20-х гг. в реальных группах сверстников (школьников, студентов, красноармейцев) как важнейшие аспекты его жизненного мира.

Цель и задачи исследования. Целью данного исследования является изучение, понимание и интерпретация повседневного жизненного мира молодого человека в условиях динамично изменяющегося общества в советской России 1920-х гг.

²⁵ Sowietjugend 1917-1941 Generation zwischen Revolution und Resignation / С Kuhr-Korolev, S Plaggenborg, M Wellmann (Hg) Essen, 2001

²⁶ Журавлёв С В «Маленькие люди» и «большая история» Иностранцы московского Электровоза в советском обществе 1920-х- 1930-х гг М , 2000 С 20

В соответствии с целевой установкой определены задачи исследования:
реконструировать условия быта и повседневной жизнедеятельности школьников, студентов и красноармейцев в конкретно-исторических условиях советской России 20-х гг.;

изучить и интерпретировать субъективные смыслы повседневных практик взаимодействия школьников, студентов и красноармейцев в группах равных сверстников (включая сексуальный и **гендерный** аспекты), особенности их речевых коммуникаций;

определить уровень грамотности и образованности школьников, студентов и красноармейцев, их читательские интересы, биографические стратегии и идеалы;

выявить особенности протестного поведения молодых людей, интерпретируя его через тип самоопределения личности («изменить себя» или «изменить мир»);

проанализировать бюджеты времени совокупного школьника, студента и **красноармейца**, на основе чего сделать выводы о степени загруженности представителей рассматриваемых групп молодёжи, их приоритетах в планировании и осуществлении повседневной жизнедеятельности;

обобщить имеющиеся данные о состоянии здоровья школьников, студентов и красноармейцев как важном компоненте жизненного мира совокупного молодого человека 20-х гг.

Хронологические рамки исследования охватывают весь период 1920-х гг. Выбранный период является самодовлеющим. Он являет собой темпоральный социокультурный срез, определявший конкретно-историческую специфику повседневной жизнедеятельности молодых индивидов в условиях социальной трансформации. Ускоренный темп жизни динамично изменяющегося общества превратил временной интервал продолжительностью в **10 лет** в отдельную эпоху, плотно насыщенную событиями разного **масштаба**, значимости и продолжительности. Эта эпоха наложила особый отпечаток и на психологию молодого человека, его мировосприятие, поведенческую деятельность. На примере 20-х гг. наиболее отчётливо видна дистанция между «астрономическим» и «социальным» временем, о котором писали в своё время П.Сорокин и **Р.Мертон**²⁷.

Территориальные рамки исследования, обозначенные концептом «советская Россия», формально включают в себя всю территорию СССР в границах 20-х гг. Между тем исследование проводилось в основном на материалах Европейской части России. Принципиальная позиция диссертанта заключается в том, что территориальный фактор для данной темы мало актуален. Исследования по **ювенальной** истории в определённом смысле экстерриториальны, потому что доминанта возраста подавляет все другие контексты, в которые был «погружён» молодой человек. Повседневная жизнь школьников, студентов и красноармейцев 20-х гг. в большей мере зависела от внутренних условий жизнедея-

---

²⁷ Sorokin P., Merton R. K. Social Time: A Methodological and Functional Analysis // American Journal of Sociology. 1937. Vol. 42. № 5

тельности гомогенных групп сверстников, нежели от локуса проживания. Тем более, это особенно актуально для большинства студентов и красноармейцев, на длительное время покинувших родные места и переместившихся из деревни в город. Необходимо также учитывать, что управление сферой образования и, тем более, армией было централизованным, а распорядок дня в них был примерно однотипным, что существенно редуцировало территориальную дифференциацию повседневности школьников, студентов и красноармейцев.

Теоретико-методологическую основу исследования составляет совокупность аналитических подходов, методов сбора и анализа эмпирических данных, общефилософских принципов **детерминизма**, отражения и развития, принципов историзма и системности научного анализа и синтеза, являющихся общепринятыми в исторических исследованиях. Методологически работа опирается на совокупность опыта социально-исторических исследований.

Комплексное решение научной проблемы обусловило необходимость селективного применения положений ряда научных теорий: модернизации, социальных изменений и социальной мобильности (М.Вебер, Д.Лернер, С.Липсет, К.Маркс, С.Московичи, П.А.Сорокин, **Ф.Тённис**, П.Штомпка); **молодёжного возраста**, смены поколений и межгенерационного разрыва (**С.Айзенштадт**, **Ф.Арьес**, К.Дэвис, Х.Ортега-и-Гассет, К.Лоренц, **К.Мангейм**, **Ж.Мандель**, М.Мид, Ф.Тенбрук, Л.Фойер); **психо-социального** развития личности, социализации и социальной идентичности (Р.Бейлс, П.Бергер, Ш.Бюлер, Л.С.Выготский, Т.Лукман, Дж. Мид, Т.Парсонс, Ж.Пиаже, С.Л.Рубинштейн, А.Тэшфел, З.Фрейд, **Э.Шпрангер**, Э.Эриксон); школьного образования (Б.Бернштейн, П.П.Блонский, С.Боулс, Г.Гинтис, **И.Иллич**, **Э.Раймер**, П.Уиллис, С.Т.Шацкий); жизненного мира и социального взаимодействия (Г.Блумер, Г.Гарфинкель, **И.Гоффман**, Ю.Хабермас, **А.Шюц**); **девиантного и делинквентного** поведения, социального контроля (Д.Блэк, Э.Дюркгейм, **Р.Кловард**, А.Коэн, Р.Мертон, Э.Сазерленд); **гендера** (**Л.Вейтцман**, К.Джиллиген, **В.Земьюнер**, Г.Холфстед, Н.Чодороу).

Двумя центральными категориями диссертационного исследования являются концепты «молодой человек» и «жизненный мир».

Термин «молодой человек» толкуется автором расширительно и включает представителей молодого поколения в возрастном интервале от 12-14 до 22-24 лет, что обусловлено средней продолжительностью жизни, фактическим началом рабочего возраста, социализации, а также общественными представлениями о наступлении зрелости в рассматриваемый хронологический период. В основе подхода к понятию «молодой человек» лежит противопоставление возрастных оппозиций («молодой» / «не молодой»), но не общепринятое обозначение зрелого юноши.

Концептом «жизненный мир» определяется весь мир повседневности молодых людей 20-х гг. как результат всего их предыдущего опыта и представлений о будущем. В феноменологической традиции жизненный мир является «высшей реальностью», которая воспринимается как нечто непреложное, несомненное, само собой разумеющееся, обыденное. По **А.Шюцу**, только в повсе-

дневном жизненном мире возможно **конституирование** общей среды коммуникации. Жизненный мир интересубъективен, изначально воспринимаем индивидом как мир, общий с другими людьми²⁸.

Целевая установка диссертационного исследования определила основные аналитические подходы: **антропоцентристский** и полидисциплинарный (**интегративный**). Антропоцентристский подход позволил полнее познать жизненный мир молодого человека 20-х гг., его представления и повседневные практики взаимодействия, обнаружить и понять то, что для современников изучаемого периода являлось самоочевидным и не замечаемым (язык, обычаи, система жестов, привычки мышления, паттерны **чувствования**)²⁹.

В рамках интегративного подхода использованы научные достижения в области социологии, психологии, социальной психологии, культурологии, этнологии, этнопсихологии, социальной антропологии, лингвистики, семиотики, фольклористики, педологии, психотехники и других сопредельных наук. При этом полидисциплинарность позволила диссертанту расширить круг исследуемых **проблем, понять, осмыслить, интерпретировать** эмпирические данные, но не подогнать конкретно-исторический материал под абстрактные теоретические модели и схемы. Подобная практика в корне противоречит **методологии** социально-исторического исследования.

Принципиальная позиция диссертанта заключается в том, что жизненный мир человека прошлой эпохи невозможно понять без деталей его быта, поведения, языка. Поэтому в исследованиях подобного рода неприемлемы усреднённые генерализации, типичные для «глобальных» исторических полотен. Многоликую, многовариантную повседневность невозможно описать полномасштабно и среднестатистически. Диссертант стремился подойти к объекту исследования тотально и **полиаспектно**, изучая его в разных ракурсах, с максимально возможных точек наблюдения. Стремление автора взглянуть на социальную реальность 20-х гг. «глазами» молодого человека того времени побудило уделить повышенное внимание дискурсивным практикам молодых людей.

Методологические принципы и аналитические подходы реализованы диссертантом в методах исследования. В работе применены три группы методов: общенаучные (исторический, логический, метод классификации); специально-исторические (ретроспективный, генетический, сравнительный, типологический); сопредельных наук (структурно-функциональный, статистический, биографический, **кейс-стади**, контент-анализ, аналитической индукции).

Акцент на индивидуальном, субъективном обусловил применение специальных методов познания действительности, позволяющих приблизиться к адекватному пониманию смыслов, которыми молодые люди 20-х гг. наделяли свои суждения и действия. Важнейшими методами для данного исследования стали «понимающий» и «индивидуализирующий» методы, разработанные

²⁸ См. **Абельс Х** Интеракция, идентификация, презентация Введение в интерпретативную социологию СПб, 1999 С 73, 83-86, Семёнова В В Качественные методы введение в гуманистическую социологию М, 1998 С 60-62, 222

²⁹ См. **Козлова Н Н** Социально-историческая антропология М, 1999 С 18

В.Дильтеем, Г.Риккертом и В.Виндельбандом в противовес естественнонаучным «объясняющему» и «генерализирующему» методам. В диссертации широко использовался метод ментального «измерения» истории, позволяющий реконструировать образ **мира**, заложенный культурой в сознание молодого человека 20-х гг. Применение близкого к нему метода психологической интерпретации позволило выйти на психологический уровень описания исторической реальности. В ряде сюжетов использован метод микроисторического **анализа**, предполагающий детальное исследование отдельного **индивида**, группы сверстников или локального случая как «автономного целого».

Характеристика источников. Целевая установка исследования определила специфический характер используемых источников, весь комплекс которых состоит из письменных (печатных и рукописных) текстов, представляющих совокупность неопубликованных и опубликованных источников. К первой группе источников относятся документы, обнаруженные диссертантом в 7 центральных (ГАРФ, РГАСПИ, ЦХДМО, РГВА, ЦА ФСБ РФ, РГАЭ, ОДНА) и 5 региональных (ГАРО, ЦДНИРО, ГАКК, ЦДНИКК, ОДНИСК) архивохранилищах **России**³⁰. В общей сложности автором извлечены и исследованы документы и материалы из 69 фондов указанных архивов. Значительная часть использованных документов недавно рассекречена; многие из них впервые вводятся в научный оборот. Доступ к наиболее ценным опубликованным источникам был получен в 8 научных библиотеках Москвы, Ростова-на-Дону и Краснодара.

Школа, вуз и армия как институты политической социализации в 20-е гг. привлекали особое внимание властных структур. Поэтому в целом данные группы молодёжи относительно неплохо документированы. Вместе с тем не все источники обладают одинаковой степенью информативности для углубленного изучения молодёжной повседневности. Данное исследование показало, что изучение жизненного мира людей прошлого требует баланса архивных и опубликованных источников. Учитывая сложившуюся в советский период практику отбора документов, сдаваемых на архивное хранение, когда биографические документы «простых» людей игнорировались, представляется некорректной сакрализация архивных источников и недооценка опубликованных. В диссертации автор впервые вводит в научный оборот широкий массив давно уже опубликованных источников, обойдённых и незамеченных прежде историками. В этой связи сложно однозначно **утверждать**, какой комплекс источников явился для данного исследования «основным», а какой «дополнительным».

---

³⁰ Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив социально-политической истории, Центр хранения документов молодежных организаций, Российский государственный военный архив, Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Российский государственный архив экономики, Центр документации «Народный архив», Государственный архив Ростовской области, Центр документации новейшей истории Ростовской области, Государственный архив Краснодарского края, Центр документации новейшей истории Краснодарского края, Центр документации новейшей истории Ставропольского края **ЦДНА** формально не входит в структуру центральных государственных архивов

На первый план по значимости были выдвинуты источники, позволяющие реконструировать настроения, переживания, представления молодых людей и интерпретировать субъективные смыслы их поведенческих и речевых практик.

Из комплекса **неопубликованных** источников к ним относятся отчётно-информационные и аналитические документы органов власти и управления (сводки, обзоры, донесения, отчёты, закрытые письма); жалобы, заявления, письма молодых людей, направленные руководителям партии, страны, **комсомола**, в редакции газет и журналов; приватная корреспонденция (в том числе перлюстрированная); документы личного происхождения.

Информационные сводки и аналитические обзоры органов власти и управления (особенно органов **ВЧК-ОГПУ**) содержат богатую и уникальную информацию для данного исследования. Определённый интерес представляют источники, несущие информацию о протестах, напряжённости в молодёжной среде; об отношении молодёжи к различным событиям внутренней и внешней политики; о вопросах, заданных молодыми людьми на собраниях и иных мероприятиях; о результатах инспекторских обследований и студенческих «чисток». Вместе с тем, эти материалы имеют определённую степень **погрешности**, присущую всем сводкам и обзорам. Степень достоверности отчётно-информационных документов РККА несколько ниже, поскольку в армейских традициях нередко докладывалось наверх лишь о том, чего невозможно было скрыть. На содержание данных документов по мере приближения к концу 20-х гг. всё отчетливее накладывалась печать времени. Органы **ОГПУ**, партийные и комсомольские органы стремились показать свою активную работу, что нередко приводило к фальсификации истинного положения дел, поиску несуществующих в действительности врагов или проблем. Очевидная ценность этой группы источников состоит в том, что они хорошо поддаются качественному анализу и могут быть исследованы в динамике.

Не менее ценная информация для системного анализа жизненного мира молодого человека 20-х гг. **представлена** в документах партийных и комсомольских органов (стенограммы, протоколы съездов, конференций, пленумов, собраний ячеек, документы конфликтных комиссий по разбору персональных дел и апелляций). Наибольшей степенью информативности обладают стенограммы и стенографические отчёты. Стенограммы можно также отнести к лингвистическим **источникам**, поскольку они позволяют «услышать» живое слово ушедшей эпохи. Документы конфликтных комиссий несут ценную информацию о «болезненных явлениях» в молодёжной среде, о морально-этических и правовых нормах повседневной жизни молодого поколения. Кроме того, эти документы легко поддаются количественному и качественному анализу.

Документы органов военной цензуры РККА и политического контроля **ВЧК-ОГПУ** содержат информацию, извлечённую из частной переписки путём перлюстрации корреспонденции. На просмотренную корреспонденцию составлялись меморандумы, сводки и обзоры. Более достоверными из источников этого вида являются меморандумы, имеющие статус копии с первоисточников. Данные документы ценны тем, что они дают возможность ознакомиться с пота-

ённой информацией, которую невозможно извлечь из других источников. Диссертанта особенно интересовала информация об откровенных высказываниях молодых людей, об их частных мнениях и настроениях, о событиях в молодёжной среде, не подлежащих широкой огласке.

Весьма ценным источником явились письма, жалобы, заявления красноармейцев, посланные руководителям партии и комсомола, государства, в редакции газет и журналов, политорганам РККА. Они дают представление о проблемах, волнующих молодого человека в советской России 20-х гг., о его мироощущениях. Этот вид источников также подвержен количественному и качественному анализу, включая дискурсивный и семантический.

Источники личного происхождения (дневники, воспоминания, автобиографии, блокноты и альбомы, анкеты и т.п.) представляют собой наиболее ценный и, к сожалению, весьма малочисленный вид источников для данного исследования. Эти источники нередко содержат ценнейшую информацию не только о самих авторах, но и об их окружении, нравах того времени, проблемах, волновавших молодых людей. Применение подобных источников было затруднено вследствие ограничительного 75-летнего срока на документы, составляющие тайну личной жизни.

Наиболее информативные документы, отражающие повседневную жизнь молодёжи различных социальных групп и территорий советской России 1920-х гг., отложились в фондах РГАСПИ, ЦХДМО, РГВА, ГАРФ, ЦА ФСБ РФ, РГАЭ, ЦДНА. В центрах документации новейшей истории и государственных архивах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краёв удалось извлечь не менее важную информацию о школьной, вузовской и армейской молодёжи Юга России.

В РГАСПИ автора, прежде всего, интересовали материалы фонда ЦК КПСС (ф. 17), особенно описи 84, 86 (Бюро секретариата ЦК), 85 (Секретный отдел ЦК), 87 (Информационный отдел ЦК), 33 (переписка Секретного отдела и Бюро секретариата ЦК с местными партийными организациями). Там сосредоточены весьма информативные документы партии и органов ВЧК-ОГПУ о школьной, вузовской и армейской молодёжи, её настроениях, наиболее типичных высказываниях, негативных тенденциях в молодёжной среде. Особое место по информационной насыщенности для данного исследования занимает фонд ЦК ВЛКСМ (ф. М-1), входивший прежде в состав ЦХДМО.

Ценные сведения о повседневной жизни красноармейцев и краснофлотцев сосредоточены в фонде Политуправления РККА (ф. 9) РГВА. Наиболее информативными документами богаты описи Секретариата ПУ РККА (оп. 3), Агитационно-пропагандистского отдела (оп. 13), Учётно-информационного отдела (оп. 17), Информационно-статистического отдела (оп. 26), а также недавно рассекреченная опись 28, где сконцентрированы информационные и аналитические материалы о настроениях красноармейцев, выписки из красноармейских писем, результаты психофизиологических обследований красноармейцев, сведения об антисоветских выступлениях в армии, обзоры о политико-моральном состоянии личного состава РККА, сведения о самоубийствах в армии.

В I АРФ наиболее ценная для данного исследования информация отложилась в фондах Наркомата просвещения РСФСР (ф. А-2306) и Главпрофобра Наркомата просвещения РСФСР (ф. А-1565). Особое внимание диссертанта было обращено на отчётно-информационные и аналитические материалы, содержащие сведения о классовой политике в советской школе и вузах, о практиках дисциплинарных процедур по отношению к учащимся, о вузовских чистках. Весьма ценными представляются также разрозненные документы, отражающие школьную и вузовскую повседневность. Отдельные любопытные материалы диссертант обнаружил в фондах Наркомата внутренних дел (ф. Р-393), ВЦИК (ф. Р-1235) и Союза воинствующих безбожников (ф. Р-5407).

Весьма специфической и сконцентрированной информацией о положении молодёжи в советской России располагают недавно рассекреченные фонды ВЧК-ОГПУ (ф. 1, 2) ЦА ФСБ РФ. Там отложились информационные сводки и обзоры о политических настроениях и активности молодёжи, поведении новобранцев РККА, студенческих волнениях, вузовских чистках, нелегальных кружках и молодёжных организациях. Эти документы **представляют** значительный интерес с точки зрения уникальности информации, добытой при помощи негласной агентуры в школьной, студенческой и красноармейской среде.

В ходе работы с источниками, обнаруженными в вышеперечисленных архивах, приходилось постоянно учитывать, что представленные в них документы зачастую перенасыщены негативной информацией. Концентрированное изложение «негатива» в этом специфическом виде документации требовало внимательного **отношения**, сопоставления и дополнения другими источниками.

В РГАЭ диссертант работал с материалами фонда Редакции «Крестьянской газеты» (ф. 396), где сосредоточены заметки юнкоров и селькоров, письма молодых людей о повседневной жизни в сельской школе, проблемах и заботах крестьянских юношей в армии.

Особое место среди архивных материалов составляют уникальные документы, обнаруженные диссертантом в ЦДНА, где в большом количестве сосредоточены документы личного происхождения. Наибольшую ценность для данного исследования представляют материалы из личных фондов С.Ф.Подлубного (ф. 30), Е.Г.Переверзева (ф. 34), В.И.Васильева (ф. 330), Б.Я.Усачёва (ф. 399), З.Г.Степанищевой (ф. 422). В них содержатся автобиографии, читательские дневники, записные книжки, личные дневники, воспоминания, частная корреспонденция, альбомы, фотографии, школьные сочинения, отражающие повседневную жизнь молодых людей в 20-е гг.

В региональных архивах весьма ценными для данного исследования оказались фонды партийных и комсомольских органов (ф. 7, 171 ЦДНИРО; ф. 1, 7, 1992, 1998, 1999, 2000 ЦДНИКК; ф. 5938 ЦДНИСК). Особенно информативными являются коллекции документов по истории местных партийных и комсомольских организаций (ф. 1774-Р ЦДНИКК; ф. 6155 ЦДНИСК), содержащие, в частности, интересные воспоминания комсомольцев 20-х гг.

Фонды государственных архивов Дона и Кубани располагают материалами по обследованию школ и вузов региона комиссиями органов РКИ (ф. Р-1185

ГАРО; ф. Р-226, Р-990 ГАКК). Важная информация о повседневной жизнедеятельности образовательных учреждений содержится в фондах органов народного образования, комиссий и комитетов по улучшению быта учащихся и студентов (ф. Р-64, Р-65 ГАРО; ф. Р-365, Р-837. **Р-890, Р-1189** ГАКК).

Из опубликованных источников активно использованы материалы конкретных социологических, психотехнических и педологических исследований; материалы этнографических обследований; статистические источники; периодическая печать; художественно-публицистическая и мемуарная литература.

Материалы конкретных социологических, психотехнических и педологических исследований обладают высокой степенью достоверности и значимости для данного исследования. Эта группа источников **важна**, прежде всего, научными принципами сбора и обработки информации, высокой степенью репрезентативности данных, широтой научных интересов, подробным описанием исследовательских методик. Опубликованные результаты многочисленных опросов дают богатый материал для качественного **анализа**, что объясняется широким применением в анкетах 20-х гг. открытых вопросов. Диссертантом использованы материалы исследований идеалов и социальных представлений учащихся, бюджетов времени различных групп молодёжи, их мировоззрения, языковых особенностей, читательских интересов.

Материалы этнографических обследований позволили автору задействовать такой оригинальный тип источников как фольклор, придавший исследованию особый колорит, ощущение «духа» эпохи. Наиболее ценными источниками этого вида являются материалы этнографических экспедиций под руководством В.Г.Тана-Богораза, проведённые в 20-е гг. Их результаты представлены в сборниках «Революция в деревне», «Старый и новый быт», «Комсомол в деревне». Материалы школьного, студенческого и армейского фольклора (песни, частушки, поговорки, афоризмы, анекдоты) очень ценны для понимания духовного мира молодёжи, её мировосприятия.

Из статистических материалов в диссертации использованы результаты переписей населения, школьной переписи **1927** г., публикации статистических органов по вопросам занятости молодёжи, преступности и т.д. Эти данные носят вспомогательный характер для данного исследования, и использовались, как правило, для обобщённых характеристик социальных институтов (**школа**, вуз, армия), в которых протекала реальная повседневная жизнь молодых людей.

Периодическая печать (советская и эмигрантская) явилась важным источником для понимания молодёжной повседневности. Диссертант учитывал, что советские газеты и журналы находились под строгой цензурой, были идеологизированы и представляли преимущественно официальную позицию. Вместе с тем в советской прессе нередко публиковались откровенные критические материалы о быте, настроениях молодёжи. Наиболее информативными для данного исследования явились советские журналы «Молодая гвардия», «Красная новь», «Красная молодёжь», «Красное студенчество», «Юный коммунист», «Вестник просвещения», «Красноармеец»; газеты «Комсомольская правда» и «Красная звезда». Среди эмигрантской периодики можно отметить журналы «Молодая

Россия» (Прага), «Свободная Россия» (Берлин), «Студенческие годы» (Прага), «Русская школа за рубежом» (Прага), информационные бюллетени Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (Прага). Эмигрантская периодика содержит широкую информацию о процессах и явлениях в молодёжной среде, замалчиваемых официальной прессой в СССР. Особый интерес представляют публикации частной корреспонденции, присланной из советской России за границу, что позволяет увидеть реальную картину жизни в СССР «снизу» и «изнутри».

В диссертационном исследовании были широко использованы опубликованные дневники и воспоминания, художественные произведения и публицистика 20-х и последующих годов. В этот ряд правомерно поставить некоторые литературные произведения тех лет, приближенные и по форме, и по степени откровенности к дневникам (например, популярную серию книг о Косте Рябцеве **Н.Огнёва**, жизнеописание бывшего студента М.Москвина). Использование произведений **Л.Гумилевского**, М.Зощенко, И.Ильфа и Е.Петрова и других писателей 20-х гг. позволило диссертанту полнее ощутить дух изучаемой эпохи, колорит времени и передать его в данном исследовании.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые на диссертационном уровне проведено комплексное исследование повседневного жизненного мира совокупного молодого человека в реальных группах сверстников (школьников, студентов, красноармейцев) в советской России 20-х гг. В диссертации с методологических позиций «новой» исторической науки уточняются многие из существующих и даются новые оценки явлений и процессов, происходивших в молодёжной среде в 1920-е гг. Оригинальность подхода диссертанта состоит в том, что в центр исследования поставлены не структуры и процессы в молодёжной среде, а повседневные практики взаимодействия и коммуникации реальных молодых людей в группах равных, их намерения и мотивы, бытовые и языковые особенности, что позволило по-новому увидеть и понять первое поколение советской России.

Наряду с новизной в общих подходах и выводах, получены новые знания по ряду частных вопросов. Диссертанту принадлежит приоритет в комплексном изучении проблемы повседневного протеста молодёжи 20-х гг. и его классификации. Впервые в отечественной историографии проведено комплексное исследование повседневной жизнедеятельности красноармейцев 20-х гг. **Диссертант** одним из первых в отечественной историографии провёл комплексный анализ феномена студенческих коммун, а также изучил проблему совместного обучения школьников в сексуальном и **гендерном** аспектах. В диссертации впервые введены в научный оборот многие уникальные документы.

Научная новизна наиболее существенных результатов исследования и личный вклад диссертанта в разработку темы состоят в следующем.

1. Впервые комплексно **реконструированы** и **системно** проанализированы условия быта и повседневной жизнедеятельности школьников, студентов и красноармейцев в советской России 20-х гг., что позволяет составить вполне отчётливое представление о жизненном мире совокупного молодого человека

раннего советского общества, повседневных практиках его обихода и выживания в условиях неблагоприятной исторической ситуации.

2. Подробно изучены и интерпретированы субъективные смыслы повседневных практик взаимодействия школьников, студентов и красноармейцев в первичных группах равных сверстников, особенности их речевых коммуникаций. В результате этого получили дальнейшее развитие существующие научные представления о механизме социализации молодёжи в условиях динамично изменяющегося общества. Раскрыты закономерности протекания социальных процессов в молодёжной среде и их влияния на перспективы развития раннего советского общества в среднесрочной и отдалённой перспективе.

3. Разработана типология молодого поколения 20-х гг. Диссертант выделяет два основных типа молодых людей: а) активный, свободолюбивый, жизнеспособный; б) пассивный, покорный, конформистский. Выявлены альтернативные тенденции в молодёжной культуре, детерминированные данной амбивалентностью. Определены основные типы школьников, студентов, рядовых красноармейцев и младших командиров.

4. Выявлены особенности и формы протестного поведения молодых людей в рамках школьной, вузовской и армейской повседневности. Это имеет особую значимость для более полного понимания природы молодёжных субкультур, представления о восприятии совокупным молодым человеком советской действительности, о характере и особенностях его поведенческих реакций на окружающий мир. Классифицированы неформальные организации школьников (учебно-воспитательной, организационно-политической и культурно-досуговой направленности; деструктивного, конструктивного и умеренно-нейтрального характера). Диссертантом впервые установлено, что в РККА преобладали не индивидуальные, а коллективные формы протеста.

5. Всесторонне проанализированы бюджеты времени совокупного школьника, студента и красноармейца, на основе чего сделаны выводы о высокой степени загруженности представителей рассматриваемых групп молодёжи, а также об их приоритетах в планировании и осуществлении повседневной жизнедеятельности. Обобщён опубликованный и архивный статистический материал о бюджетах времени школьников и студентов. Впервые введены в научный оборот архивные данные о бюджетах времени красноармейцев.

6. Определён уровень грамотности и образованности школьников, студентов и красноармейцев, их способность воспринимать учебные программы и программы политической подготовки. Выявлены и качественно проанализированы читательские интересы, биографические стратегии и идеалы различных категорий молодёжи.

7. Обоснована авторская трактовка бесперспективности студенческих коммун, выявлены факторы, затрудняющие популярность коммунарского движения среди вузовской молодёжи (обобществление быта, строгое нормирование повседневности, несовместимость коммуны и семьи, регламентация сексуального поведения). Впервые в отечественной историографии студенческие коммуны оценены с позиций экономической и бытовой неэффективности.

8. Уточнены статистические данные о студенческих «чистках» 1922, 1924-1925 и 1929 гг., включая и региональный уровень. Впервые на основе архивных источников доказан классовый и плановый характер вузовских «чисток», показаны типичные реакции на них со стороны студенчества (протест, депрессия, суицид, эскапизм).

9. Обобщены данные о состоянии здоровья и физического развития школьников, студентов и красноармейцев как важном компоненте жизненного мира совокупного молодого человека 20-х гг. Выявлена неблагоприятная динамика снижения уровня физического развития и роста заболеваемости детей, подростков и юношей, негативно воздействовавшая на успеваемость школьников и студентов, военную службу красноармейцев, и являвшаяся опасной предпосылкой для репродуктивной способности молодых людей в перспективе.

В целом полученные диссертантом результаты существенно сокращают область незнания о повседневной жизни молодого человека в условиях раннего советского общества. Кроме того, основные положения и выводы диссертации дают эмпирическое и теоретико-методологическое основание для сравнительного анализа молодёжных субкультур двух транзитивных периодов новейшей отечественной истории (1920-х и 1990-х гг.).

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. В 20-е гг. школа как институт первичной социализации была теснее связана с государством, а потому оказалась более, чем родительская семья, интегрированной в партийно-государственную систему формирования «нового человека». Вытесняя семью из процесса социализации подростка, школа сама отставала от окружавшей подростка действительности.

2. Противостояние учителей и школьников отражало не столько противостояние разных поколений, сколько конфликт различных **идентичностей**. Школьники, быстро усвоившие новый язык (как советский, так и молодёжный), оказались разобщёнными с миром взрослых. Наличие протестующих молодёжных союзов **свидетельствует** о серьёзном **противоречии** между повышенной активностью, жизнеспособностью и ментальными установками молодого поколения 20-х гг., и социальными нормами **общества**, проводимыми через школу.

3. В школе 20-х гг. существовали различные ученические субкультуры, развивавшиеся как в соответствии с прививаемыми школой новыми ценностями, так и противоречившие им. Правомерно утверждать о двух культурных типах советских школьников - «достижительском» и «иждивенческом».

4. Большинство студентов 20-х гг. принадлежало к одному из двух реальных студенческих миров («мужикам» или «жоржикам»). Совместная учёба и совместный быт способствовали взаимной диффузии этих групп студенчества, которая нередко приводила к полной инверсии типичных для них стратегий поведения. Бывшие «верхи» и «низы» общества менялись местами, что отражало турбулентный характер транзитивного общества.

5. Студенческие коммуны доказали свою экономическую нежизнеспособность в вузовских условиях без финансовой поддержки со стороны государства или вуза. В целом коммунарское движение было лишено перспективы, особен-

но с наступлением «великого перелома» и введением карточной системы. Студенческие коммуны осуществляли «торможение» сексуальной революции (В.Райх) в советской России 20-х гг., поскольку жёстко вторгались в сферу интимного, регламентируя сексуальное поведение коммунаров.

6. Наряду с классовой существовала и **гендерная** детерминация эволюции студенческой одежды. Стирание половых различий, характерное для периода военного коммунизма, отразилось в стремлении многих студенток к маскулинной идентичности, выраженное в их одежде (кожаные куртки, красные косынки) и манерах поведения (курение, блатной жаргон). С переходом к нэпу и активизацией среди молодёжи психологической установки «жить для себя» мода на мужеподобных женщин стала проходить. К концу 20-х гг., в период попытки ренессанса военно-коммунистической идеологии вновь обозначилось стремление части феминистского авангарда репрезентировать через униформу своё равенство с мужчинами (куртки-юнгштурмовки). Однако **гендерные** идеалы женщин уже стали другими. Многим из них вполне достаточно было юридического равноправия с мужчинами в образовательной и электоральной сферах.

7. Красная Армия в 20-е гг. выступала значимым институтом маскулинной социализации, пройдя который юноша приобретал статус взрослого и полноценного мужчины. Момент призыва в армию наделялся важным **социально-инициационным** смыслом. Перед крестьянским парнем, достигнувшем после службы в РККА более высокого социального статуса, открывались широкие горизонты для конструирования успешной карьеры.

8. Актуальной проблемой для многих красноармейцев являлось обретение идентичности с **армейской** субкультурой. Для того чтобы выжить и не приобрести статус казарменного аутсайдера, красноармеец на время службы был вынужден сливаться с массой себе подобных, и в первую очередь с лидерами этой субкультуры: **старослужащими** красноармейцами, младшими командирами, партийно-комсомольскими активистами. Этому способствовала и **красноармейская униформа**, обезличивавшая воинов.

9. В повседневной жизни красной казармы, основанной на нормах обычного **права**, существовал культ нетерпимости по отношению к «чужим», особенно идентифицируемым по конфессиональному и этническому признакам. Ценностно-нормативная регуляция социального поведения в красной казарме была сконструирована **таким** образом, что религиозность **воспринималась** там как постыдное качество военнослужащего. Замкнутый, тотальный мир казармы усиливал и этническую **интолерантность**. Паттерны межнационального общения, декларируемые коммунистической пропагандой, не имели ничего общего с повседневными практиками и межэтническим дискурсом красноармейцев.

Практическая значимость исследования состоит в реальной возможности использования собранного материала и основных выводов диссертации при изучении советского периода новейшей истории России, в подготовке учебных и методических пособий для студентов, учащихся высших и средних учебных заведений, в просветительской работе. Материалы диссертации будут полезны школьникам, студентам, курсантам военно-учебных заведений как историче-

ский опыт повседневной жизни их предшественников. Методологические подходы, отдельные сюжеты исследования, полученные научные результаты и выводы могут послужить основой для дальнейшей научной разработки проблемы, причём не только в исторической перспективе, но и в современном аспекте. В этой связи диссертационная работа будет полезна социологам, социальным психологам, социальным работникам, всем, кто занимается исследованиями молодёжной проблематики.

Апробация результатов исследования. Результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры истории и музееведения Краснодарского государственного университета культуры и искусств, кафедры новейшей отечественной истории и социологии Кубанского государственного университета, кафедры социальной работы Института экономики и управления Кубанской государственной медицинской академии.

Основные положения и выводы диссертационной работы изложены автором в 34 научных публикациях общим объёмом 57,4 п.л., включая двухтомную монографию «В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов» (Краснодар, 2002; 36 п.л.) и 21 научную статью (общий объём - 18,7 п.л.), а также в докладах и выступлениях на 15 международных и всероссийских научных конференциях, проходивших в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Великом Новгороде, Комсомольске-на-Амуре, Краснодаре, Марбурге (Германия). Основные положения и результаты диссертации внедрены в учебном процессе на отделениях «История» и «Социология» факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета в рамках спецкурсов «Россия неповская как социально-исторический феномен» и «Этничность и молодёжь в 1920-е годы: методы социально-исторического исследования». Отдельные аспекты исследования реализованы в работах по грантам Московского общественного научного фонда при содействии Фонда Форда (проекты № 033-1997; № 161-1998), Пражскую отделение Фонда Сороса RSS/OSSF (проект № 1006/2000), Российского гуманитарного научного фонда (проект № 96-01-00130), Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Краснодарского края (проект № 01-01-38006 а/Ю).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, списка использованных источников и литературы, перечня сокращений. Основной текст диссертации занимает 443 машинописные страницы. Библиографический перечень содержит 837 наименований на 48 страницах.

Основное содержание диссертации

Во Введении обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень её изученности, определяются цели и задачи, предмет и объект исследования, его хронологические и территориальные рамки, теоретико-методологическая основа работы, её новизна и практическая значимость, даётся характеристика источников и степень апробации **результатов** исследования.

Первая глава «Новая школа для "нового человека"» посвящена исследованию Единой трудовой школы (ЕТШ) в социально-историческом контексте 20-х гг. Рассматривается конфликт авторитетов семьи и школы, негативные последствия легитимации классового неравенства **учащихся**, основные черты ученического самоуправления.

Рассмотрение советской школы 20-х гг. как социально-исторического контекста повседневной жизни юного индивида позволяет получить более чёткие представления об особенностях процесса социализации школьников. Школа расширяла возможности ребёнка и подростка в плане общения: здесь, кроме общения с взрослыми, возникала устойчивая специфическая среда общения со сверстниками. В школе многие дети вдобавок к уже приобретённому ранее опыту взаимодействия со «значимыми другими» (родителями, близкими друзьями и родственниками, соседями), впервые овладевали механизмом социального контроля со стороны «обобщённого другого» (класс, кружок, пионерский отряд). Именно в школе, в процессе «принятия роли другого» подросток делал первый шаг к конструированию идентичности, осваивая совокупность ролей, которые исполняют другие участники социального взаимодействия.

В 20-е гг. процесс вытеснения школой родительской семьи как института первичной социализации, начавшийся на рубеже XIX-XX вв., принял отчётливые формы. На смену традиционному фамелизму всё явственнее приходило **внесемейное** влияние. Единый прежде семейный авторитет стал подвергаться расщеплению и распадаться на ряд противоречивших друг другу авторитетов **внесемейных** социализирующих институтов, первым среди которых была школа. Перераспределение социальных ролей между семьёй и школой в пользу последней совпало с интересами большинства учащихся, и было воспринято многими из них с одобрением.

Школа 20-х гг. была втянута в классовую борьбу. Приём в школу регулировался специальным положением **наркомпроса**, основанном на классовом принципе и идее пролетаризации. По подсчётам диссертанта, количество детей лишённых школьного возраста находилось в пределах от 340 до 420 тыс. человек, что составляло 3-3,7% всех школьников. Между тем на практике получение среднего образования было более реальным для непролетарских детей. К концу 20-х гг. «чистки» детей нетрудовых «элементов» приняли массовый характер и проводились в порядке специальных кампаний. Для большинства этих учащихся открывался путь к беспризорности и преступности. Учащиеся, оставшиеся не «вычищенными», пребывали в условиях режима социальной изоляции. На них в раннем возрасте была проставлена стигма «классово чуждых элементов», соответствовавшая статусу социальных изгоев.

В марте 1923 г. во всех школах было введено платное обучение. Главным критерием для определения категории плательщиков и суммы взносов было социальное происхождение родителей учащегося. Однако классовый принцип отступал на второй план перед прагматической выгодой для функционеров нижнего звена. Во многих школах существовали «договорные группы», где большинство учащихся принадлежало к зажиточным слоям общества. Это означало

полную профанацию классового подхода большевиков к школьному образованию. Классовое неравенство влияло на выстраивание иерархии ценностей школьников, формирование круга их общения по имущественному и классовому признаку.

Характерной приметой советской школы 20-х гг. стало ученическое самоуправление. Идея детского самоуправления культивировалась властью в качестве идеологического противовеса учителям старой школы. Органы детского самоуправления в некоторых школах имели почти неограниченные полномочия. Нередко учащиеся копировали существовавшую в стране социальную организацию, политическое устройство государства и пытались экстраполировать их на школьный уровень. Во многих школах существовала своя «конституция». Дети перенимали у взрослых и карательную систему (товарищеские суды, дисциплинарные комитеты, трибуналы, ученические милиции). Воспроизводившие настоящий судебный ритуал школьники нередко применяли самые строгие наказания, вплоть до исключения из школы.

Наряду с органами самоуправления учащихся заметной инновацией в школе 1920-х гг. стали комсомольские и пионерские структуры. Относительная малочисленность комсомольских ячеек и пионерских отрядов долгое время не позволяла им овладеть школьной повседневностью. Введение в школах пионерских форпостов вскоре привело к перераспределению влияния между ними и органами самоуправления учащихся, что заметно изменило школьную повседневность. Аналогичная ситуация сложилась с комсомольскими ячейками, которые были более идеологизированными, чем пионеры.

В 20-е гг. учителя столкнулись с открытым протестом школьников, вызванным асимметричным распределением власти между учащимися и педагогами. Неудовлетворённая школьным укладом молодёжь пыталась дистанцироваться от культуры взрослых, замкнуться в свой **неформальный** мир в кругу сверстников. В противовес органам ученического самоуправления, ячейкам и форпостам коммунистической молодёжи, в школах появлялось множество альтернативных самодеятельных организаций, как правило, существовавших на нелегальном положении. Иногда неформальные ученические организации вообще не существовали. Их выдумывали властные структуры и чекисты в политических целях.

Итак, в школе многие ученики получали первые уроки имущественного неравенства; приобретали навыки демократии и самоуправления; осуществляли активное ролевое экспериментирование; социально нивелировались. В школе они взрослели не только биологически, но и социально. Однако трудовая школа при слабой материально-технической базе, при том составе педагогов и отношении власти и общества к учителю, в обстановке перманентного экспериментирования программ и методов обучения в принципе не могла подготовить грамотное поколение учащихся, чтобы реализовать их возросшие притязания.

Во **второй главе «Мировосприятие и повседневный быт школьника»** анализируется комплекс проблем, отражающий школьную повседневность: учебные практики и язык учащихся, сексуальный и **гендерный** аспекты совме-

стного обучения, основные идеалы, представления, мечты и верования школьников, их бюджеты времени и практики обихода.

Материалы педологических обследований показывают наличие у многих школьников ограниченных речевых ресурсов. Диссертант подходит к пониманию причин слабой успеваемости в советской школе 20-х гг. с позиций концепции «языковых кодов» **Б.Бернштейна**, согласно которой у детей с различным социальным происхождением с детства развиваются дифференцированные языковые коды, что влияет на их опыт обучения в школе.

Революционная смена эпох закономерно привела к смене знаковых систем, прежде всего, языка. Изменения в молодёжном языке в 20-е гг. проходили параллельно с образованием советского новояза, приближенного к революционным условиям того времени, и являлись его неотъемлемой частью. Молодёжный новояз не только сосуществовал с литературным и разговорным языком, но и полностью либо частично подменял их. Трансляция воровского жаргона в школьную среду, помимо прессы, литературы и кинематографа, осуществлялась в основном **беспризорниками**, торговцами на базарах и родителями школьников. Фаворитизация пролетарского образа жизни стимулировала у некоторых учащихся из интеллигентских семей потребность в конструировании «пролетарской» идентичности путём огрубления языка. Блатное арго позволяло школьникам надёжнее отгородиться от мира взрослых («чужих»), замкнуться в рамки своей субкультуры. Воровской жаргон являлся преимущественно городским языком, хотя в 20-е гг. он частично проник и в деревню. Наряду с блатным жаргоном, в молодёжной среде пышно расцветала нецензурная лексика.

Одной из характерных примет школьной повседневности 20-х гг. являлось совместное обучение мальчиков и девочек, которое чётко вписывалось в контекст феминистской политики большевиков. По мнению диссертанта, с точки зрения сексуальной и **гендерной** социализации молодого индивида идею введения совместного обучения правомерно рассматривать как прогрессивное изменение. Совместное обучение помогло школьникам **копировать** семейную жизнь взрослых, овладевать в играх социальными ролями будущих брачных партнёров. При этом слепки снимались, как правило, с советского брачного ритуала. Диссертант отмечает разные **гендерные** реакции на эту социокультурную инновацию. Адептами смешанного обучения были преимущественно девочки. Их мотивы были преимущественно **направлены** вовне себя, против традиционного распределения социально-половых ролей, когда женщине отводилась роль «низшего» пола, «**обслуживающего персонала**». Мотивы мальчиков, напротив, были устремлены внутрь себя и полны мужского эгоизма. В основе юношеской позиции подсознательно лежал инстинкт мужского превосходства над женщиной, которое вдруг предстояло разделить с «низшим» полом, к чему мальчики психологически ещё не были готовы.

Материалы социологических и педологических обследований школьников позволили диссертанту выявить наиболее распространённые ментальные стереотипы и мотивы жизненных стратегий юного поколения советской России. Опросы учащихся показали, что более 30% школьников считали советские по-

рядки **идеальными**. не требующими изменений. Среди пожеланий политического характера дети зачастую называли уничтожение буржуазии и кулаков, борьбу с частной торговлей, уничтожение религии, требовали «вести социализм» и «сделать всех коммунистами». Встречались и неудобные для власти пожелания «уничтожить тюрьмы», «сделать всех равными», «устранить неравенство партийных с беспартийными», «вернуть прежнюю власть», «изгнать коммунистов», «вернуть старую школу».

Судя по результатам опросов, значительная часть школьников приобретала советское мировоззрение. Однако не совсем ясно, какое место в этом процессе занимала школа. Представляется правомерным вывод **П.Н.Колотинского** о том, что влияние рафинированной дореволюционной школы на выработку идеалов у молодёжи было гораздо больше по сравнению с советской школой. В 20-е гг., напротив, учащиеся стремительно развивались вне школы. Изучение референтных групп для школьников 20-х гг. показывает, что персональные идеалы советских учащихся стали качественно отличаться от идеалов гимназистов. Прежде всего, всё меньше в качестве «местного» идеала выступали «значимые другие» из ближайшего взрослого окружения школьника (родители, учителя, соседи). Заметно пошли на убыль идеалы героев из царей и полководцев, зато появились новые идеалы для подражания из современных героев. Произошла ротация и литературных идеалов.

Школьники 20-х гг. в большинстве своём мечтали приобрести более высокий социальный статус, они хотели управлять, но не работать физически. Особенно привлекали учеников хорошо оплачиваемые профессии. Наиболее заметной эта тенденция была у сельских школьников, для которых крестьянский труд, культурная отсталость села и весь деревенский обиход становились в тягость. Деревня уже не могла реализовать возросшие притязания нового поколения. Вместе с тем некоторая часть сельских школьников находила себе достойное место в своих биографических проектах и в деревне. Они только хотели, чтобы деревня стала другой, и чтобы у них жизнь сложилась намного прекраснее и счастливее, чем у их отцов.

Своеобразным ответом на жёсткую регламентацию и аскетизм жизни в СССР стал всплеск «мещанских» настроений у школьников. Показательно, что только 15% идеалов обладания приходились на нематериальные устремления учащихся (счастье, свобода и г.д.). В то же время около 70% опрошенных школьников мечтали о собственном благополучии и материальных благах, причём 60% новоявленных «мещан» были детьми рабочих и лишь 10% - крестьян. Практически исчезло влияние сказок о «жар-птице» и «волшебной папочке» на формирование идеалов обладания, имевшее место в дореволюционном обществе. Советские школьники хотели иметь вполне реальные атрибуты благополучия - свой дом, обстановку, деньги, одежду и прочие материальные блага.

Идеалы, представления и футуристические ожидания учащихся нередко приходили в противоречие с реальностью. Одни школьники успешно преодолевали кризис идентичности, других он приводил к **ретритизму**, эскапизму, суициду. Во второй половине 20-х гг. резко возросло количество самоубийств сре-

ди подростков. Насаждаемый в 20-е гг. большевистской пропагандой интернационализм не находил отклика в умах и душах многих учащихся. Межэтнический дискурс школьников 20-х гг. содержал целый набор недружественных стереотипов («жид», «кацап», «**ХОХОЛ**», «мазепа» и т.д.). Этническая идентичность у многих учащихся проявлялась в том, что каждый из них гордился своей национальностью и одновременно не считался с другими.

Одним из наиболее ярких проявлений целенаправленной идеологизации школьной жизни юного поколения 20-х гг. явилось антирелигиозное воспитание. При этом большевики не ограничивались пассивным решением религиозного вопроса в школе. В дискурсивных конвенциях антирелигиозной пропаганды религия подавалась как антитеза науке; вера в Бога противопоставлялась Модерну. В массовое сознание школьников внедрялись паттерны советской идентичности: если школьник ходит в церковь и носит нательный крест, значит, он человек с отсталым мировоззрением, «пережиток прошлого». При этом роль школы в «достижениях» антирелигиозной пропаганды была весьма скромной. Только 21% юных безбожников признали влияние школы на свои убеждения; 27% учащихся, безразлично относившихся к религии, стали такими под влиянием школы. Однако следует учитывать, что нередко сам ученик не осознавал источника своих убеждений.

Ценную информацию о повседневной жизни школьников можно извлечь из результатов обследований условий их жизнедеятельности и бюджетов времени. Учебные занятия в школе отнимали у обследованных учеников в среднем только 3-4 ч. ежедневно. При этом третья часть учебного времени тратилась непродуктивно. На помощь семье по хозяйству городские учащиеся затрачивали в среднем около 2 ч. в день, или примерно 7% суточного бюджета времени. Если в городе преобладали лёгкие работы, связанные с выполнением отдельных поручений, то в деревне 40% трудового времени учащихся затрачивалось на тяжёлые работы по крестьянскому хозяйству. Совокупное время на клубную, кружковую и общественную работы у школьников из пролетарских семей составило в среднем всего лишь 45 мин. ежедневно. У крестьянских детей эти показатели были значительно ниже. Наиболее нагруженными общественной работой были учащиеся школ интернатного типа и пионеры. В среднем клубная и общественная работа у них составляла 2-2,5 ч. в день.

Досуг учащихся в учебные дни был дискретным и распадался на отдельные отрезки свободного времени. У детей рабочих в будние дни совокупный отдых составлял в среднем 4 ч. Крестьянские дети не имели и этого времени на отдых. В выходные дни и праздники свободное время составляло сплошной отрезок дня и длилось дольше обычного. Школьники из рабочих семей отдыхали в выходные до 20% суточного бюджета времени. В среднем из 100 дней в году мальчики имели 230 ч. досуга, тогда как девочки только 169 ч. Практически не было выходного дня у обследованных деревенских детей, занятых крестьянскими заботами. Подавляющее большинство школьников распорядилось свободным временем нерационально. Преобладало как в городе, так и в деревне бесцельное уличное «гулянье» и игры, на что уходило свыше трети свободного

времени. Следующими по популярности были спортивные и физкультурные занятия, особенно футбол. Свободное чтение занимало только 18,5% городских и 11% сельских ребят. Из развлечений на первом месте находилось посещение кино (40% всех развлечений).

Время, отводимое на сон, в целом соответствовало нормам наркомздрава. Большая часть детей и подростков спала 8,5-10 ч. в сутки. Время сна в выходные и праздничные дни несколько возрастало. Время, выделяемое школьниками на питание, заметно различалось у семейных детей и воспитанников детских учреждений. Меньше всего тратили времени на приём пищи учащиеся детских коммун (0,9 ч.) и детских домов (1 ч.). Учащиеся фабричных школ в общей сложности затрачивали на питание 2 ч., как и крестьянские дети. У фабричных школьников не столько времени занимала сама еда, как её приготовление в отсутствие родителей. У деревенских детей приём пищи был своеобразным отдыхом, что вообще характерно для крестьянского уклада жизни.

Материалы обследований рисуют удручающую картину санитарно-гигиенических условий проживания школьников. У многих детей отсутствовали элементарные навыки личной гигиены. Более приученными к самообслуживанию оказались воспитанники детских учреждений и пионеры. Бытовые условия прямым образом отражались на состоянии здоровья школьников. На здоровье влияли также недостаточная кубатура классных помещений; непригодность школьных зданий для проведения занятий; недостаточное освещение; обучение в две смены; неприспособленная к росту учащихся мебель. В целом поколение учащихся 20-х гг. характеризуется низким уровнем физического развития.

В третьей главе «Советские вузы: между традициями и новациями» рассмотрены важнейшие характеристики советской высшей школы 20-х гг., основные направления искусственной пролетаризации вузов, приведшей к формированию двух противостоящих студенческих миров.

Переход от войны к миру позволил советскому руководству обратить более пристальное внимание на идеологическую компоненту в деятельности высшей школы. Импульсом к этому послужили массовые студенческие волнения 1920-1921 гг., рассматриваемые диссертантом как «студенческий Кронштадт». Протестовавшая студенческая молодёжь подвергалась жестоким преследованиям. С 1921 г. в советской России началась активная работа по пролетаризации вузов, которая осуществлялась тремя основными способами, применявшимися комплексно: а) командированием в вузы политически благонадежной молодёжи; б) расширением сети рабочих факультетов; в) исключением из вузов студентов непролетарского происхождения («чистки»).

Право направлять политически благонадежных молодых людей в советские вузы и соответствующие квоты предоставлялись партийным, советским, профсоюзным и комсомольским органам, воинским частям. Для того чтобы получить командировку в вуз, надлежало быть активистом, иметь «правильное» социальное происхождение. Уровень знаний командированных в вузы был крайне низким, хотя на вступительных экзаменах для них делались существен-

ные послабления. **Преперенции** для пролетарской молодёжи при приёме в вузы дополнительно возросли вскоре после «**шахтинского** дела».

В сентябре 1920 г. появились рабфаки, которые изначально предназначались для подготовки к поступлению в вуз пролетарской молодёжи, не имевшей среднего образования. Однако на деле они быстро превратились в эффективное средство по вытеснению из стен высшей школы талантливых, но «классово чуждых» студентов и замены их слабо подготовленной пролетарской молодёжью. Пролетарская молодёжь воспринимала поступление на рабфак или в вуз как бонус за «правильное» социальное происхождение, но не подтверждение интеллектуальных способностей к освоению программы высшей школы.

Диссертант отмечает четыре волны студенческих «чисток»: в 1922, 1924, 1925 и 1929 г. Наиболее массовой была «чистка» 1924 г. Нормы отчисляемых студентов заранее планировались специальной директивой ЦК РКП (б). Было намечено сократить численность непролетарских студентов вузов не менее чем на 30 тыс. человек. Как установлено диссертантом, с высокой долей достоверности можно утверждать только о верхней границе совокупных студенческих потерь весной-летом 1924 г., составляющей не более чем 26,2 тыс. человек. Студенты по-своему **протестовали** против «чисток»: устраивали демонстрации **протеста**, избивали членов проверочных комиссий, умышленно затопляли аудиторий водой, применяли химические вещества в разрушительных целях.

К концу 20-х гг. задача пролетаризации вузов была в целом осуществлена. В вузах сложились и параллельно существовали два студенческих мира, разделённых по партийно-классовому признаку.

Непролетарские студенты, маркируемые студентами-пролетариями как «жоржики», испытывали на себе негативное воздействие социальной депривации, приобретавшей характер наследуемой. Многие из них поступили в советские вузы с традиционной целью развить свой интеллектуальный ресурс. Эта молодёжь много **читала**, знала иностранные **языки**, имела развитый языковой код и обладала широким кругозором. Однако у неё зачастую отсутствовало материализуемое прагматичное притязание, чётко осознаваемая достигательская стратегия. В стенах вуза студенты этого типа обычно все силы отдавали учёбе, дистанцировались от общественно-политической деятельности. Советский вуз и советскую власть они воспринимали как вынужденную, безальтернативную данность, поэтому стремились любыми путями попасть в высшую школу и удержаться там во время «чисток». Круг общения непролетарского студенчества был довольно узким, и редко выходил за пределы своей группы.

Противостояло этой малочисленной группе студенчества большинство «**мужиков**», выходцев из деревенских и городских «**низов**». Они выделялись окраинным, деревенским говором, лаконичными фразами, брутальными манерами. В отличие от «**жоржиков**», для многих из которых учёба в вузе была самоцелью, «**мужики**» видели в вузе всего лишь плацдарм для покорения внезапно открывшихся перед ними жизненных высот. Крестьянский практицизм конституировал главную жизненную цель: через получение образования «**выйти в люди**», осесть в городе, сменить профессию, повысить социальный статус.

Примерно такая же цель была и у пролетарской молодёжи. Объединяло эти две группы «мужиков» стремление взять науку наскоком, зубрёжкой и начётничеством. Довольно слабая общая подготовка не позволяла опереться на базовое образование в познании вузовских дисциплин. В то же время нельзя не отметить огромную жажду знаний у этой части молодёжи.

Комсомольская часть **студенчества**, составлявшая всего 10-15% слушателей, также разделялась на две категории - «активистов» и «академиков». Первые, преимущественно выходцы из городской бюрократии, делали ставку на комсомольскую карьеру. Для них главным делом являлась не учёба, а выслеживание классовых врагов и дальнейшая партийная карьера. Другая часть вузовской комсомолии, составлявшая её большинство, происходила из рабоче-крестьянской молодёжи. «Академики» избегали комсомольских поручений, углублялись в учёбу, полагались только на свои способности.

Повседневный уклад вузовской жизни и равный возраст постепенно разрушали искусственные перегородки между двумя студенческими мирами, способствуя процессу социальной диффузии в студенческой среде. Совместное обучение не столько **«коммунизировало»** непролетарскую молодёжь, сколько **«обуржуазивало»** рабоче-крестьянских студентов, развивало аполитичность среди партийно-комсомольского студенчества. По меткому выражению П.А.Сорокина, студенты-пролетарии стали быстро «линять».

Главное отличие новой вузовской системы от предыдущей заключалось в идеологизации и политизации обучения. Вместе с тем не следует переоценивать содержание программ и практику изучения марксизма в вузах 20-х гг. Фрагментарное преподавание не могло привести к формированию научных представлений о причинно-следственных связях в историческом развитии, пониманию логики исторического процесса. Проведённый диссертантом контент-анализ программ по историческим наукам для слушателей Коммунистического университета им. Я.М.Свердлова показал, что в перечнях рекомендованной литературы произведения классиков марксизма-ленинизма и лидеров партии составляли не более 10%. Взгляды Маркса и Энгельса студенты преимущественно изучали в интерпретации Д.Б.Рязанова.

К концу 20-х гг. быстрые темпы индустриализации потребовали огромного количества специалистов узкого профиля. Желая выправить положение с подготовкой специалистов, **руководство** страны решало **эту** проблему в авторитарном стиле. Вместо строгого отбора в вузы наиболее способных студентов, поддержки лучших преподавателей, сталинское правительство пошло по пути «закручивания гаек». Срок обучения во втузах сокращался, при этом студенты должны были проходить два курса в один год. Непосещение занятий каралось отчислением из вуза. Условные переводы на следующий курс отменялись.

Показательно, что планы партии зачастую не совпадали с частными планами студентов. Молодёжь, особенно рабоче-крестьянская, искала более перспективного жизненного пути. Молодые люди, приехавшие в вузы из деревни, не желали туда возвращаться. Так, в Ленинградском институте дошкольного образования из 25 выпускников остались в городе 22 человека. В педин-

статуте им. А.И.Герцена почти все 50 выпускников (партийцы) остались в Ленинграде. Как реакция на низкий уровень жизни старших поколений и внезапно открывшиеся возможности, среди пролетарского студенчества стала популярной потребительская модель **поведения**, возросли материальные притязания.

В четвёртой главе «Студенческий быт: практики общежития» основное внимание уделено анализу студенческой повседневности. Исследуются бюджеты времени студентов, условия их материальной обеспеченности, формы организации досуга, сексуальные практики, состояние здоровья, повседневный обиход студенческих коммун.

Обследования бюджетов времени студентов вузов показывают, что учебная нагрузка у них была непомерно высокой. Среднее количество времени, ежедневно отводимое студентами на учёбу в будние дни, в разных учебных заведениях колебалось от 5,5 ч. до 10 ч. Нередко учебный день студента составлял и более **13 ч.** в сутки. Общественно-политическая работа студентов не может быть адекватно отражена в среднестатистических показателях, поскольку по этой позиции бюджета времени существовало самое большое расхождение между общей средней нагрузкой и средней нагрузкой фактически занятых студентов. В среднем в обследованных учебных заведениях общественной работой в той или иной степени занимались не более 30-35% студентов.

На питание студенты в среднем тратили **1-1,3 ч.** в день. Большинство студентов питались всего 1-2 раза в день. Регулярность приёмов пищи отсутствовала практически во всех обследованных вузах. Уход за собой состоял из элементов личной гигиены и содержания в порядке своего **жилища**, одежды и обуви. В среднем студенты тратили на эти виды деятельности от 0,5 до 1 ч. в день.

Результаты обследований свидетельствуют, что совокупный студент 20-х гг. хронически недосыпал. Ни в одном из обследованных учебных заведений не был зафиксирован студенческий сон в рабочие дни, равный или превышавший 8-часовую норму. Юноши в среднем спали меньше девушек; студенты младших курсов больше недосыпали по сравнению со старшекурсниками. В провинции было больше возможности отдохнуть и заняться учёбой, поскольку там меньше времени уходило на передвижение к месту занятий. Недосыпание, недоедание и недостаточное занятие физкультурой не могло не отразиться на жизненном тоне, состоянии здоровья и качестве успеваемости студентов.

Изучение феномена студенческих коммун даёт любопытнейшие примеры повседневных практик корпоративного выживания и общественного обихода. Коммуна оказалась социальной конструкцией, где человек добровольно шёл на полное ограничение личной свободы, подавление своего «Я». Там было строгое нормирование повседневности, но эти правила принимались по общей договорённости. Коммуна навязывала своим членам жёсткую регламентацию быта.

Рассмотрение некоторых проблем коммунарского движения позволило диссертанту прийти к выводу о серьёзных внутренних противоречиях этой формы студенческой кооперации. Представляется весьма правомерной оценка коммуны в современной социологической литературе, согласно которой поддержание коммуны как образа жизни оказывается проблематичным, поскольку

она не свободна от тех фундаментальных проблем, которые проявляются при любых формах институционализированной социальной жизни: проблем власти, стратификации и экономического выживания.

В целом изучение практик общежития студентов 20-х гг. в условиях голода, финансовой и жилищной необеспеченности свидетельствует о высоком уровне адаптации молодого поколения 20-х гг. к внешним условиям. Несмотря на большие материальные трудности, студенчество тех лет продемонстрировало удивительный оптимизм и жизнеспособность.

Анализ бытовых условий студенчества 20-х гг. показывает, что в массе своей оно испытывало острую материальную нужду и перманентное чувство голода. В той социально-политической системе социальная защита студенчества строилась по классовому и идеологическому принципу. Отчётливо наблюдаются две категории учащихся по отношению к ним со стороны государства: пролетарское и непролетарское студенчество. Первое обеспечивалось стипендиями и пайками; второе было лишено социальной поддержки, к тому же оплачивало учёбу. Эта социальная асимметрия ещё отчётливее проводила грань между двумя студенческими мирами.

Приоритет в стипендиальном обеспечении принадлежал государству. В среднем госстипендии составляли примерно 85-90% всего стипендиального фонда. Эти стипендии назначались только выпускникам рабфака, командированным партией и профсоюзами студентам. Слушатели рабфаков были обеспечены стипендиями в полном составе. Между вузами стипендиальный фонд распределялся на основе «особого классового коэффициента». Размер госстипендии ежегодно увеличивался, однако он не покрывал и половины прожиточного минимума студента. Часть студентов выручали хозяйственные стипендии, устанавливаемые различными учреждениями и организациями. Существенным подспорьем для непролетарских студентов явились гуманитарная помощь иностранных миссионеров и стипендии частных лиц. В трудной для всех студентов экономической ситуации особая тяжесть выпала на плечи непролетарского студенчества. Советская власть не только обрекала его на самовыживание, но и заставляла оплачивать учёбу.

Внешний вид многих студентов в 20-е гг. был очень запущенным, что мало отличалось от облика большинства городских обывателей тех лет. Вещевым довольствием снабжались только рабфаковцы, иногда и слушагели совпартшкол. Самым неимущим студентам выдавались талоны на баню и оформлялся льготный кредит на одежду, получить который было крайне трудно.

Отличительной особенностью студенческого костюма 20-х гг. было смешение стилей одежды: от милитаристского до гражданского, от устаревшего деревенского до сверхмодного городского. Между тем выделяются два основных стиля одежды: преобладающая часть студентов носила «толстовки», кожаные куртки и «юнгштурмовки»; значительно меньшая часть студенчества одевалась в европейские костюмы с галстуками. Существовала взаимная диффузия стилей одежды двух групп студентов. Как в «толстовках» можно было встретить часть непролетарских студентов, так и в гражданских костюмах - пролетариев и кре-

стьян. Первые через массовую прозодежду пытались раствориться среди пролетарского **студенчества**, нивелировать свою социальную дифференциацию с ним, чтобы спасти себя. Пролетарское студенчество, напротив, стремилось выглядеть культурнее и стало больше уделять внимания своей наружности.

Проблема жилья была тогда не менее острая, чем продовольственная или финансовая. Данные социологических исследований свидетельствуют, что около 39% студентов проживали в сырых и холодных помещениях, 68% не имели нормальной жилплощади. По данным опросов, довольными своими жилищными условиями были менее 17% студентов. Более 40% опрошенных студентов размещались на городских окраинах либо за городской чертой. Каждый четвёртый студент жил зимой в неотапливаемом помещении. Электрическим освещением пользовались 57% студентов, остальные занимались при тусклом свете керосиновой лампы или дымящей коптилки.

Досуг студентов приходился в основном на выходные и праздничные дни. Более обеспеченные и стремившиеся к культурному времяпрепровождению студенты регулярно посещали **театры**, музеи, выставки, кинематограф. Как и среди школьников, спорт не стал в 20-е гг. массовым явлением в среде студентов. Вместе с тем многие студенты пытались совершенствовать своё тело, уделяя этому каждую свободную минуту. Популярными среди вузовцев были гимнастика **Далькроза**, физические упражнения по системе Мюллера, игры в футбол, лапту, лыжные гонки, плавание и гребля. Одной из форм организации свободного времени студентов было прослушивание радиопередач. Особенно активно радио вторгалось в повседневную жизнь студентов, проживавших в общежитиях. Одним из видов **отдыха** студентов было санаторно-курортное лечение. По канонам классового подхода, курорты предоставлялись только коммунистам и студентам-пролетариям.

В отличие от школы, вузовская жизнь предоставляла больше возможностей для удовлетворения студентами своего либидо. Среди студенчества были **распространены** добрачные и внебрачные связи. Показательно, что в сексуальных практиках студенчества не было классовых и партийных различий. Если девушки чаще вступали в интимную связь по любви и страсти, то юноши - по физиологической потребности и любопытству. Материальная невозможность содержать семью толкала многих студентов на половое поведение, прямо **противоположное** их сексуальной морали. Опросы показали, что большинство студенчества считало идеалом моногамную семью и длительную связь с одним партнёром. В то же время нормальную сексуальную жизнь вели не более 50-60% юношей и девушек, среди остальных были распространены случайные связи, кратковременное сожительство, общение с проститутками, суррогатные формы сексуального удовлетворения. Революция раскрепостила сексуальность не только у юношей, но и у девушек, которые порой были активными инициаторами половых **контактов**. Между тем абсолютизацию женской **раскованности** в половом вопросе у студенток 20-х гг. диссертант считает некорректной.

Учебные и общественные перегрузки, плохие бытовые условия и беспорядочная половая жизнь пагубно сказывались на состоянии здоровья студенчест-

ва. Как показали медицинские обследования студентов, 64% из них считали себя больными людьми. Сильное умственное перенапряжение сказывалось на состоянии психики и нервной системы, в первую очередь, пролетарского студенчества. У 90% из них отмечались психоневрозы, частые головные боли. Около половины студентов перенесли различные эпидемии. Примерно каждый третий студент страдал туберкулёзом лёгких.

Таким образом, студенческие годы стали для многих молодых людей важнейшей школой жизни. Они приучались вынужденно терпеть друг друга, переживая процесс взаимного наблюдения и познания. Пролетарское студенчество прагматически копировало внешний облик и поведенческие черты юных представителей «старой» элиты, впитывало «буржуазные» манеры в надежде применить их в будущей карьере советского чиновника. Учитывая, что многие из студентов 20-х гг. впоследствии станут партийными выдвиженцами, новой советской элитой, чрезвычайно важно понять их психологию.

Пятая глава «Красная Армия: школа новой жизни» посвящена изучению основных условий жизнедеятельности в РККА, представлений об армии и сценариев поведения новобранцев, форм и методов политической пропаганды и культурно-воспитательной работы в Красной Армии. Диссертант концептуально подходит к рассмотрению РККА как тотального института маскулинной социализации молодого человека в 20-е гг.

Образ армии в картине мира призывника имел явно выраженный образовательный оттенок. Армия была средством избавления от вынужденной безработицы, возможностью ухода от тяжёлых условий крестьянского и фабрично-заводского труда. Для того, чтобы попасть в Красную Армию, следовало пройти процедуру социально-политической фильтрации в лице призывной комиссии с участием представителя ОГПУ. Кроме социально-классового, был ещё «телесный» фильтр на пути призывника в армию. В целом состояние здоровья и уровень физического развития призывников в 20-е гг. были ниже дореволюционного. Средний рост призывника снизился по сравнению с новобранцами царской армии на 2%, объём груди - на 3,5%, вес - на 9%.

Процедура призыва юношей в РККА в 20-е гг. внешне во многом напоминала рекрутскую обрядность в прежние времена, хотя смысловое значение этого ритуала заметно изменилось. Наиболее заметная часть рекрутской ритуальной традиции («гуляния») стала **трансформироваться** в 20-е гг. в примитивный хулиганский разгул, который, кроме своей формы, уже имел мало общего с символическими ритуальными бесчинствами рекрутов.

Новобранцев в первое время пребывания в части одолевали «домашние настроения». У многих новобранцев с заниженными **экспектациями** первые армейские впечатления нередко вызвали восторг. Однако призывники с завышенными ожиданиями, настроившиеся на беззаботную жизнь и бесплатную учёбу, напротив, испытывали огромное разочарование. В самые первые недели службы в рядах призывников наблюдалось массовое стремление покинуть армию, что выражалось в их просьбах о переосвидетельствовании, в заявлениях об ошибочном призыве, в паломничестве в полковые лазареты, в членовреди-

тельстве или симуляции серьёзного заболевания, в дезертирстве. Распространённым способом уклонения от дальнейшей службы были взятки.

Начиная с 1924 г., заметно возрастал культурный уровень новобранцев и их бытовые притязания. Эти новобранцы привносили с собой в казарму дух свободы, уверенность в способности отстоять свою честь и достоинство. Посредством этой ролевой дистанции совокупный новобранец активно воздействовал на изменение представлений о нём не только со стороны своих командиров, но и высшей партийно-государственной власти, вникавшей в положение дел в армии. Поэтому его условно можно считать в определённом роде инициатором и катализатором («снизу») военной реформы 1920-х гг.

Красная Армия в 20-е гг. являлась наиболее удобным для большевиков институтом идеологической обработки и политического просвещения малограмотной крестьянской массы. В среднем из **10 ч.** ежедневных занятий красноармеец проводил 4,5 ч. на политподготовке. Вместе с тем некорректно преувеличивать качество политической пропаганды в армии по причине слабой подготовки ротных «групповодов», низкого уровня **общего** и политического развития основной массы красноармейцев. Главная причина непопулярности политической пропаганды состояла в огромной дистанции между речами политрука и реальной действительностью.

По мнению диссертанта, в основе политической подготовки в РККА лежало неразрешимое противоречие. Пропаганда идей социализма и коммунизма предполагала обращение к высоконравственным постулатам об освобождении и раскрепощении личности, равенстве и братстве всех людей, в то время как армейская действительность с жёсткой воинской дисциплиной и низкий интеллектуальный уровень политруков и красноармейцев не позволяли крестьянской массе усваивать эти духовные ценности на практике. В результате многие красноармейцы были вынуждены играть роль примерных реципиентов **политпропаганды**, на самом деле не принимая её содержания на веру. Такие правила повседневной **иры** формировали **тип красноармейца-конформиста**, подстраивавшегося под эту новую систему, чтобы выжить в ней и добиться реализации своих карьерных устремлений в будущем. Вместе с тем для большинства русских крестьян такая стратегия поведения была привычной и вполне резонной.

Одним из важнейших направлений политической работы в Красной Армии было внедрение в сознание красноармейцев постулата о коренном отличии новой армии от царской, прежних солдат от красноармейцев. Для бойцов РККА понятия «красноармеец» и «солдат» не были тождественными. Порядки и весь негативный опыт старой армии ассоциировались в их сознании с концептом «солдат». Напротив, всё самое доброе и полезное в РККА отождествлялось ими с понятием «красноармеец». Этот престижный социальный маркер был связан с достигнутой ими новой идентичностью, которую они боялись потерять.

Красноармейцу предоставлялась **благоприятная** возможность для приобретения к произведениям литературы и **искусства**, формирования эстетического мировосприятия. Центром культурно-воспитательной работы в каждой роте был ленинский уголок. В то же время РККА способствовала массовому воспри-

ятию культуры, коллективным походам в театры, музеи, кинематограф. Наедине с культурным творчеством красноармеец мог находиться только во время чтения книг. Однако для этого ему нужно было иметь определённые навыки чтения и подбора литературы, которыми владели только немногие крестьянские юноши. Особой категорией в Красной Армии были неграмотные и малограмотные воины. Они объединялись в отдельные школьные команды, где должны были в течение 3 месяцев (неграмотные) или 6 недель (малограмотные) пройти курс обучения. Не выдержавшие испытания оставались ещё на один месяц, а учебная нагрузка увеличивалась вдвое.

В целом трудно переоценить роль такого института социализации молодого человека 20-х годов как РККА. Будучи микромоделью казарменного социализма, она продуцировала подготовленные для советской системы кадры. Придя туда со своими крестьянскими представлениями и нередко примитивным мировидением, возмужавший юноша покидал её во многом другим человеком.

В шестой главе «Красноармейская повседневность» рассматриваются бытовые условия армейской службы, формы повседневного протеста, бюджеты времени, повседневные интерактивные практики красноармейцев.

Поскольку служба в армии для красноармейца являлась коротким этапом биографии, «Я-образ» у него условно распадался на две части: «Я-в-армии» и «Я-в-миру». Самым распространённым средством общения красноармейца с малой родиной была переписка, приобретающая явно выраженный прагматический смысл. Она актуализировала статус красноармейца как защитника семьи и всей деревни от произвола чиновников. В глазах семьи красноармеец воспринимался как «государственный» человек, близкий к власти («свой» среди «чужих»), и потому наделялся почти сакральными способностями решения насущных проблем деревни. С другой стороны, повзрослевший сын приобретал право поучать родителей, как следует жить при новой власти. Тревожные письма из деревни стимулировали дезертирские и отпускные настроения в армии. Поток крестьянских писем в Красную Армию резко возрос в связи с насильственными хлебозаготовками и началом сплошной коллективизации сельского хозяйства.

Среди молодых крестьян в армии наблюдался такой же раскол, как и в деревне в целом. Красноармеец оказывался перед сложной альтернативой: принять сторону советской власти, поддерживаемую командованием, или остаться солидарным с большинством крестьянства, выступавшим против сплошной коллективизации. В этом нравственном выборе имплицитно содержался некий тест самоопределения личности воина. Принявшие сторону власти демонстрировали приоритет советской идентичности над крестьянской. Красноармейцы, поддерживавшие крестьянство, репрезентировали главенство статуса хлебороба перед статусом «человека с ружьём». Они так и остались в душе крестьянами, не желавшими покорять чужой и непонятный для них город.

В 20-е гг. сложилась смешанная система материально-технического снабжения армии, сочетавшая централизованный и децентрализованный подходы. Обеспечение военно-техническим, артиллерийским и вещевым имуществом производилось централизованно, в то время как продовольственно-фуражное

снабжение осуществлялось силами самих воинских частей. До 1924 г. в РККА существовала проблема голода. Не стало заметно лучше с питанием в РККА и во второй половине 20-х гг. Особенно неудовлетворительной была обстановка с питанием на флоте. Некомплект обмундирования составлял в полевых частях 30-50%, обуви - 60-80%. Бойцы нередко ходили в лаптях. Одним из наиболее острых вопросов красноармейской повседневности было состояние казарменных помещений. Кубатура казарм составляла 35-60% от нормы, что являлось благодатной средой для распространения инфекционных заболеваний. Медобслуживание и санитарное состояние в частях РККА были неудовлетворительными вследствие отсутствия медикаментов, **медперсонала**, бань, дезинфицирующих средств и туалетных принадлежностей. Так, мыло в Красной Армии являлось острым дефицитом.

Детали красноармейской повседневности дают представление о нелёгких испытаниях, сопровождавших красных воинов. Это противоречит выводам политически ангажированной историографии (как советской, так и русского зарубежья), ещё с 20-х гг. голословно утверждающей о привилегированной жизни Красной Армии как элитной опоры советского режима. Служебный день красноармейца начинался с необычайно раннего подъёма - в 5 ч. утра. Обязательные занятия ежедневно составляли у красноармейцев не менее 8-10 ч. Кроме того, почти ежедневно бойцы проводили 2-3 ч. на «необязательных» политических занятиях. Совокупное рабочее время красноармейца составляло в среднем 12-13 ч., т.е. половину суток. Рабочий день красноармейцев заметно удлинялся обилием нарядов и караулов. Нередко в караулах воины несли службу по 2-3 суток. Самым напряжённым был рабочий день в кавалерии, что объясняется необходимостью ухода за лошадьми. Выходные и праздничные дни в РККА не давали красноармейцам возможности нормально отдохнуть, подготовиться к новой рабочей неделе.

Массовый красноармеец в повседневных практиках обычно проявлял себя как **гиичный** крестьянин. Он с детства привык к тому, что после работы следует отдых, а сам труд не бывает продолжительным. В армии режим труда и отдыха был чрезмерно **разбалансирован**. В деревне юноша понимал смыслы своих действий, их практическую целесообразность и зависимость от природных циклов. В армии его приучали всё делать по приказу, необходимость и значимость которого крестьянскому парню зачастую была совершенно **непонятна**, а потому чужда. Жизнь в казарме сделала неактуальными привычные для крестьянина практические схемы, прошлый опыт, принципы статусной иерархии, способы классификации окружающего мира. Вместе с тем армейская повседневность с её унификацией была комфортна для **крестьянина**, привыкшего выстраивать свою жизнь «как все». Этот императив крестьянской этики выживания помогал ему стойко перенести тяготы и лишения армейской службы.

Красноармейцы по-разному реагировали на трудности военной службы - от конформного привыкания к ним до открытого **протеста**, что свидетельствует о сохранении каждым бойцом своей индивидуальности даже в таком тотальном институте, как армия. Молодой человек в Красной Армии 20-х гг. довольно

часто протестовал, несмотря на жёсткую дисциплину, тотальный политический контроль и коммунистическую пропаганду. Внедряемый в массовое сознание идеализированный образ «народной», «рабоче-крестьянской», армии с командирами из трудовых низов и социальным равенством довольно быстро приходил в противоречие с реальной армейской повседневностью. С позиций **бихевиоризма**, формы протеста красноармейцев по характеру связи между поведенческим стимулом и реакцией на него условно можно разделить на две группы: явные и латентные.

К первой группе диссертант относит проявления открытого протеста красноармейцев, нередко сопровождавшегося вербальной либо письменной декларацией: отказ от предписанных действий, объявление голодовки, открытое выражение **недовольства**, массовые волнения и т.д. Они обычно происходили в активной, эмоционально-агрессивной форме и нередко приводили к беспорядкам и деструктивным последствиям. Анализ источников показывает, что в РККА в 20-е гг. были распространены коллективные формы **протеста**. Такую стратегию поведения диктовала общинная крестьянская **ментальность** и внутренние законы казарменной жизни, направленные против одиночек.

К латентным формам протеста диссертант относит такие его проявления, которые выражаются косвенно, опосредованно. На данное поведение значительное воздействие оказывает не только конкретная ситуация, но и апперцепции, врождённые склонности и предрасположенности. Поэтому реакция на внешний раздражитель непредсказуема и не всегда прямая, зачастую отсроченная. Если при помощи первой группы форм протеста красноармеец обычно пытался «изменить мир», то направленностью второй группы являлось «изменение себя». Применительно к РККА это в основном проявлялось в ретритизме и эскапизме, конечная фаза которых нередко принимала форму алкоголизма или суицида. Диссертант установил, что в **1926-1927** гг. более 65% суицидальных явлений в армии приходилось на рядовой и младший командный состав.

Как показал контент-анализ армейских текстов, лексемы «родина», «отечество», «Россия», «национальная слава» и им подобные практически отсутствовали в официальном и повседневном дискурсе красноармейца. Вместе с тем в речевой коммуникации бойцов тема отношения к ним командиров имела одно из первостепенных значений. Из этого диссертант заключает, что в аксиологической шкале красноармейца концепт «командир», от которого зависела ближайшая судьба военнослужащего, для крестьянского парня находился гораздо выше абстрактного концепта «родина», тем более что сами большевики постарались вычеркнуть его из официального политического дискурса. Находясь в рамках своей социальной среды, красноармеец меньше всего задумывался о нравственном смысле службы. Его больше заботило повседневное выживание в замкнутом мире казармы, невозможное без такого регулятора как командир.

Инициатива повседневной грубости в армейской казарме, формировавшей брутальный тип красноармейца, часто исходила от младших командиров, которые копировали образцы поведения со старших начальников. Резкий всплеск грубости и издевательств по отношению к рядовым бойцам наблюдался в **1924-**

1925 г., когда М.Фрунзе был объявлен курс на ужесточение воинской дисциплины. Дисциплинарные процедуры нередко выходили за уставные рамки. Не имея по причине одинакового возраста с подчинёнными реального авторитета среди них, младшие командиры избирали один из двух наиболее типичных сценариев поведения: «ассимилятивный» или «фельдфебельский».

Носителями и хранителями групповых традиций казарменной субкультуры были старослужащие красноармейцы, репрезентировавшие свои привилегии перед военнотрудовыми более поздних призывов. Желая подтвердить статус бывалых бойцов, «старика» запугивали молодых воинов тяжестью службы. С появлением новобранцев они всячески репрезентировали своё превосходство над «молодыми» красноармейцами: переставали петь песни в строю, демонстративно ходили не в ногу, отказывались выходить на хозяйственные работы и брать в руки винтовки. Зафиксированы издевательства старослужащих над новобранцами, облачённые в форму «невинных шуток». Основной причиной этого являлась обыденная скука как групповое настроение в красной казарме.

Изучение жизненного мира красноармейца 20-х гг. позволяет по-новому увидеть и понять образ молодого человека в Красной Армии и мир его повседневности, что очень важно для преодоления ряда устоявшихся мифов и стереотипов. При детальном рассмотрении повседневных практик и дискурсивных конвенций совокупного красноармейца 20-х гг., он представляется вовсе не «безмолвствующим большинством», но активным участником социального взаимодействия, обладавшим приватными интересами, собственной биографической стратегией, индивидуальными представлениями и ценностными установками, нередко идущими вразрез с официальной политикой государства и армейских начальников.

В Заключении работы обобщены итоги исследования, изложены выводы.

Анализ источников привёл диссертанта к выводу о том, что качественные отличия молодых людей 1920-х гг. от молодёжи конца XIX в. и от наших юных современников лежат в дегалях повседневных практик **обихода, языка**, во внешнем облике, в уровне грамотности, «культурности» и технической оснащённости. При этом эмоции, чувства, переживания, свойственные молодости, поведение в окружении сверстников трудно поддаются временной дифференциации. Отсюда резонен вывод о том, что познать человека (в том числе молодого) другой эпохи историку возможно только через специфику повседневности изучаемой эпохи.

Социально-политическое развитие России в 20-е и в последующие годы многие исследователи связывают с парадигмой формирования «нового человека». Представляется, что дискурсивный конструкт «новый человек» легко вписывается в лоно «тоталитарной» научной концепции, которая очень удобна для структурного и схематичного описания истории. Некоторые исследователи, опираясь на **стереотипные** представления об идеологизированном комсомольском сегменте молодёжи 20-х гг. (весьма малочисленном) необоснованно экстраполируют их на всё молодое поколение тех лет. По мнению **диссертанта**, трудно однозначно утверждать о поголовном формировании убеждённых

строителей коммунистического общества в лице молодых людей 20-х гг. Слишком сильным ещё оставалось влияние «традиционной» социальной среды (родительской семьи, общественного мнения жителей деревни, сверстников, церкви). Диссертант считает, что только младшие возрастные когорты (не ранее 1912-1920 и последующих годов рождения) в определённой степени правомерно рассматривать как первое поколение, которое в значительной части своей конструировало советскую идентичность в школьные годы. Большинство же представителей старших возрастных когорт (1904-1911 годы рождения), заставших дореволюционную гимназию и прежние порядки, если и становились «советскими» людьми, то на более поздних этапах социализации.

Для большевиков **школа**, вуз и армия (наряду с комсомолом и пионерией), обеспечивавшие непосредственный контакт с молодым реципиентом, были важнейшими каналами трансляции культурных и социальных норм, идеологических установок. Поэтому рассмотрению процесса идеологического воздействия в этих социальных институтах в диссертации было уделено повышенное внимание. Как установлено диссертантом, представление о том, что школьники, студенты и красноармейцы поголовно становились «**политбойцами**» правящего **режима**, является очередным мифом советской истории. Для тотального формирования большевистской идеологии в этих социальных институтах была недостаточной компетенция её трансляторов и нежелание (или неготовность) к её восприятию у значительной части молодых людей. В связи с этим возникают большие сомнения относительно правомерности представлений о молодом поколении 20-х гг. в целом как идейной опоре советского режима.

Представляется важным вывод о том, что не только партия и советская власть стремились использовать молодых людей в собственных интересах. Прагматичная, наиболее активная часть молодёжи (прежде всего, крестьянской) с возросшими жизненными притязаниями сама была заинтересована в привлечении ресурсов власти для благополучной карьеры и реализации своих биографических проектов. Она проникала в образовательные учреждения, в Красную Армию, в комсомол с целью обеспечить себе путь к восходящей социальной мобильности. Однако многие из этих молодых людей так и не стали (или не стремились стать) в полном смысле слова убеждёнными коммунистами и комсомольцами. Они были многим обязаны советской власти, но их поведенческие мотивации лежали в плоскости личной **выгоды** и собственного благополучия, а не абстрактных лозунгов о коллективном счастье в коммуне.

Среди молодых людей 20-х гг. правомерно выделить два основных типа: а) активный, свободолюбивый, жизнеспособный; б) пассивный, покорный, конформистский. По сути своей, этот амбивалентный характер молодого поколения 20-х гг. конституировал две основные тенденции развития страны. Первая группа молодёжи частично была представлена в комсомоле, но в основном она не вступала в политизированный союз молодёжи, предпочитая организовываться в неформальные структуры. В этой среде было немало активных, думающих личностей, критически воспринимавших происходившее вокруг, хотя и в рамках коммунистической идеологии и морали. Несмотря на то что они в боль-

шинстве своём не демонстрировали своего неприятия идей революции и не сопротивлялись власти, активность молодых людей настораживала большевиков, опасавшихся «потерять» молодёжь (что видно на многочисленных примерах ликвидации школьных и студенческих кружков). Правомерно утверждать, что именно эти молодые люди в большинстве своём искренне пытались строить коммунизм в соответствии с той идеальной моделью, которая была начертана в трудах его основоположников. Некоторые из них не только сакрально верили в «светлое будущее», но и сами активно пытались строить его. Трагедия их и страны состояла в том, что взгляды на эту конечную цель у них и у политической элиты были противоположными.

Как показывают источники о молодёжной повседневности, классовая принадлежность далеко не всегда являлась прямой предпосылкой к складыванию (или **не-складыванию**) советской идентичности. Бытовые лишения формировали среди значительной части рабочей и крестьянской молодёжи вовсе не поколение убеждённых коллективистов, но людей с повышенными жизненными притязаниями, явно обозначенными **достижительскими** стратегиями. Нередко чем беднее жили молодые люди, тем сильнее у них было стремление вырваться из атмосферы гнетущей повседневности в город, к достатку и карьере. Одной из основных примет того времени стала американизация и **вестернизация** сознания молодого **человека**, осуществляемая преимущественно через кинематограф. Как правило, западные стандарты привлекали, в первую очередь, рабоче-крестьянскую молодёжь. Вместе с тем у многих молодых людей из непролетарских семей наблюдаются сложные процессы **десоциализации** и **ресоциализации**, особенно у старших возрастных когорт. Обычный возрастной кризис индивидуальной идентичности был для многих из них более легко преодолим по сравнению с кризисом идентичности социальной.

Изучение повседневных практик молодых людей 20-х гг. позволяет не только преодолеть распространённые стереотипы о степени восприятия молодёжью советской власти, классовом составе её **сторонников** в молодёжной среде, мотивах этой поддержки, но и по-новому увидеть первое поколение советской России в «человеческом» измерении. Без романтического **ореола**, традиционного для изображения этого поколения в советской историографии, оно выглядит более достоверным и «живым», что делает его привлекательнее.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Монография:

1 Рожков А Ю В кругу сверстников Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов В 2 т Краснодар ОИПЦ «Перспективы образования», 2002 408+208 с (36 п л)

Статьи:

- 2 Рожков А Ю Молодой человек 20-х годов протест и девиантное поведение // **Социологические** исследования 1999 № 7 С 107-114 (0,75 пл)
- 3 Рожков А Ю Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории 2000 № 1 С 134-139 (0,75 пл)
- 4 Рожков А Ю «В Москве я слышал одно, здесь вижу другое » Красноармеец 1920-х годов картина мира и социальный облик // Социологические исследования 2000 № 10 С 76-83 (0,75 пл)
- 5 Рожков А Ю Первая смерть вождя Болезнь и кончина В И Ленина в общественном **восприятии** // **Россия XXI** 1995 № 5-6 С 130-157 (1,5 пл)
- 6 Рожков А Ю Первые шаги высшей школы на **Кубани** // **Кубань 1920-е** годы Сб науч трудов Краснодар, 1996 С 41-59 (1 пл)
- 7 Рожков А Ю Нэп и школьная реформа на **Кубани** // **Кубань 1920-е** годы Сб науч трудов / Рожков А Ю , Мирук М В Краснодар, 1996 С 84-100 (1 пл)
- 8 Рожков А Ю Политический контроль в Красной Армии (1918-1924) // Политический сыск в России история и современность **СПб**, 1997 298-309 (0,5 пл)
- 9 Рожков А Ю Формирование новой интеллигенции в кубанских вузах опыт социальной генной инженерии (1920-е гг) // Интеллигенция Северного Кавказа в истории России Межрегион сб статей Ставрополь, 1997 131-139 (0,5 пл)
- 10 Рожков А Ю **Беспризорники** // **Родина** 1997 № 9 70-76 (0,75 пл)
- 11 Рожков А Ю Реформирование системы образования // История Кубани XX век Очерки / Рожков А Ю , Мирук М В Краснодар ОИПЦ «Перспективы образования», 1998 С 57-65 (0,5 пл)
- 12 Рожков А Ю Студент как зеркало Октябрьской революции // **Родина** 1999 № 3 С 68-74 (0,75 пл)
- 13 Рожков А Ю Молодой человек и советская действительность 1920-х гг формы повседневного протеста // Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России Сб статей М **Моск** обществ науч фонд, 1999 С 128-143 (1,5 пл)
- 14 Рожков А Ю Бунтующая **молодёжь** в нэповской России // **Клио** 1999 № 1 139-154 (1,5 пл)
- 15 Рожков А Ю Интернационал **дураков** // **Родина** 1999 № 12 С 61-66 (0,75 пл)
- 16 Рожков А Ю Некоторые проблемы борьбы с беспризорностью в 1920-е годы (На примере Кубани и Черноморья) // Социально-экономические проблемы на рубеже веков Сб статей Краснодар, 2000 С 149-154 (0,5 пл)
- 17 Рожков А Ю Молодёжь и преобразования в кубанской станице 1920-х гг к вопросу о конфликте традиций и новаций // Социальная организация и обычное право Краснодар, 2000 С 261-279 (1 пл)
- 18 Рожков А Ю Студенты 1920-х годов образ жизни и социальный облик // Научные труды Открытого института региональных социальных исследований Краснодар, 2001 **Вып** 1 С 2-16 (1 пл)
- 19 Рожков А Ю Молодой человек в Красной Армии 1920-х годов картина мира и образ **жизни** // **Клио** 2000 №2 С 145-157 (1,5 пл)
- 20 Рожков А Ю Под диктовку политруков мир и мирок красноармейца 1920-х годов // **Родина** 2001 №4 С 60-65 (0,75 пл)

21 Рожков А Ю **Die Jugend im Kuban-Gebiet in den 1920er Jahren zwischen Tradition und Modernisierung // Sowjetjugend 1917-1941 Generation zwischen Revolution und Resignation** Essen **Klartext**, 2001 С 195-216 (1 п л)

22 Рожков А Ю «Иновёрцы» в красной казарме конфессиональный аспект социальной идентификации в РККА в 1920-е годы // Особенности историко-психологического исследования Краснодар, 2002 С 150-155 (0,3 п л)

Доклады и выступления на научных конференциях:

23 Рожков А Ю Демографический и социально-психологический облик казачьей молодёжи Кубани и Черноморья в 1920-е гг // Казачество в истории России Материалы **междуна**р науч конференции Краснодар, 1993 С 226-229 (0,2 п л)

24 Рожков А Ю Общественные настроения советского крестьянства в середине 20-х гг // Историко-культурное наследие и современность Материалы всерос науч - практ конференции Краснодар, 1995 С 124-126 (0,2 п л)

25 Рожков А Ю Менталитет и политическая культура **кубанского** казачества // Менталитет и политическое развитие России Материалы **междуна**р науч конференции / Рожков А Ю , Шетнев В Е Москва, 1996 С 127-131 (0,2 п л)

26 Рожков А Ю Исторические судьбы казачества и скаутизма в России поиски общего и особенного // Кубанское казачество три века исторического пути Материалы междуна **науч -практич** конференции Краснодар, 1996 С 204-207 (0,2 п л)

27 Рожков А Ю Новояз как признак молодёжной субкультуры 1920-х гг // Филология и журналистика в контексте культуры Материалы всерос науч конференции **Ростов** н/Д, 1998 **Вып 2** С 32-35 (0,25 п л)

28 Рожков А Ю Молодой человек на переломе эпох (Протестное поведение **молодёжи** в 1920-е гг) // Личность в меняющемся обществе Материалы всерос науч конференции Ч 1 Комсомольск-на-Амуре, 1998 С 43-47 (0,2 п л)

29 Рожков А Ю Советская молодёжная субкультура 1920-х гг языковые особенности // «Бренное и вечное» Ценности культуры в прошлом, настоящем и будущем Материалы всерос науч конференции **Вып 1** В Новгород, 1998 С 139-141 (0,25 п л)

30 Рожков А Ю Молодой человек в советском обществе 1920-х годов субкультура протеста // Творческое наследие Ф А Щербины и современность Материалы междуна **науч -практич** конференции Краснодар, 1999 С 212-215 (0,2 п л)

31 Рожков А Ю Быт советского студента 1920-х годов // История российского быта Материалы **XIV** всерос заочной науч конференции **СПб**, 1999 С 182-185 (0,25 п л)

32 Рожков А Ю Кубанская молодёжь 1920-х годов казачьи традиции и ментальные новации // Менталитет россиянина история проблемы Материалы **XVII** всерос заочной науч конференции **СПб**, 2000 С 93-97 (0,25 п л)

33 Рожков А Ю Кубанская молодёжь 1920-х гг между казачьими традициями и советскими новациями // «Бренное и вечное» Проблемы функционирования и развития культуры Материалы всерос науч конференции **Вып 3** В Новгород, 2000 С 96-97 (0,25 п л)

34 Рожков А Ю Социокультурные изменения в кубанской станице в 20-е годы с точки зрения концепции межпоколенного разрыва // НЭП и становление гражданского общества в России 1920-е годы и современность Материалы всерос науч конференции Краснодар, 2001 С 16-21 (0,4 п л)